

СПЫЛЬЮ
В ГЛАЗАХ

Сергей Матвейчук

QG_FallowDeer

16+

«Оригинальные истории»

Сергей Матвейчук

С пылью в глазах

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Матвейчук С.

С пылью в глазах / С. Матвейчук — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98870-5

Молодой парень, оскорблённый поражением своей родины в войне, уехал во вражеский тыл мстить за свой униженный народ. Три года противостояний были для него отрадой, пока главную должность врага не заняла девушка, способная изменить его мировоззрение и дать жизни новый смысл. Удастся ли избавиться от ненавистного врага или ему суждено встать на тропу мира?

ISBN 978-5-532-98870-5

© Матвейчук С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Сергей Матвейчук

С пылью в глазах

Приятный тихий вечер. Ветер гнал почерневшие от наступления ночи перистые облака, раскачивал пышные кроны деревьев, изредка снимая с ветвей слабые листья и унося их с собой. Приятное тепло летнего дня ушло в жгучее настроение летней ночи. Появившиеся на тёмном небосклоне звёзды – их было совсем немного, горстка – прикрепили к себе взгляды гулявших зевак.

Поздний городской вечер всегда казался особенным явлением. Яркий свет, озарявший дороги и подъезды к домам, витрины магазинов и рекламные вывески, резко уходил во тьму, где не было видно даже асфальта под ногами. И чем дальше от центра города было место, тем меньше фонарей и ламп встречалось на пути.

Темнота прятала под собой страхи. Пугала неизвестность, собственная фантазия, которая переходила черты разумного, создавая ужасные видения, генерируя жуткие мысли. И о ней, устрашающей темноте, думал тот, кому ночь была родней и безопасней дня.

– А я ему уже сто раз говорил, что не люблю крошить эту долбанную кинзу! Кто вообще её ест? – возмущался шедший по брусчатому тротуару золотистый лабрадор, рассказывавший другу наболевшие рабочие проблемы.

Для своего вида он был высок, широк в плечах, выглядел очень статно и презентабельно. Ухоженная золотая шерсть росла густым покровом на всём теле, но на голове она складывалась в длинную чёлку, зачёсанную в сторону. Его молодёжный стиль одежды не менялся десятков лет – спортивная обувь, цветные зауженные джинсы и узкая футболка, которая подчёркивала контуры его тела. С морды редко сходила довольная улыбка, открывавшая белейшие клыки.

– Она бесит меня! – не унимался пёс. – Она воняет! После неё потом приходится несколько минут драить руки с мылом.

– Надень перчатки, – спокойно ответил ему друг, который, оторвавшись от размышлений, вернулся в реальность.

Заплывавший в огромный океан мыслей антилопа импала был на голову выше лабрадора, носил на голове шикарные лировидные рога, имел короткую тёмно-коричневую шерсть на теле, которая отделялась от белых живота, груди, шеи и подбородка смоляной полосой, такой же, как и та, что обводила его зелёные глаза и протягивалась ото лба к носу.

Он стеснялся своего худошавого телосложения, от которого часто терпел насмешки, и сам для себя считал, что кажется тощим только из-за двухметрового роста. Его комплекцию подчёркивала весьма нетипичная для повседневного ношения одежда – обычно он старался прятать своё тело под тканью, носил однотонные тёмные брюки и светлые рубашки с длинным рукавом, которые также прикрывали худые руки. На вечер парень выбрал, пожалуй, самый безвкусный вариант – чёрные низ и бледно-зелёный, сочетавшийся с цветом глаз верх.

– В перчатках ощущения не те, – с улыбкой сказал лабрадор и толкнул антилопу в бок. – Кстати, есть тема как раз про ощущения.

– Если ты и Дорён снова подсунете мне кого-то, то я выйду в окно. Ещё раз.

– Второй этаж – не страшно.

– Да? – с усмешкой спросил импала. – А в прошлый раз вы все говорили другое.

– Да потому что ты дурак, Хегли! – не в обиду прокричал пёс. – Согласен, та девушка была слегка странной, но ты показал себя ещё хуже.

– Слегка странной? Алкоголизм – странность?

– У неё было тяжёлое расставание, поэтому она... расслабилась, сдалась. Но она, между прочим, была не самым худшим вариантом. А ты хоть бы раз поблагодарил меня и Дорён за такую заботу!

– Я уже вас благодарил. И говорил, чтобы вы больше мне никого не подсовывали. Но вы двое ни первое не услышали, ни второе.

– Вот честно, это последняя девушка! – уверенно сказал лабрадор.

– Хью, я это уже слышу седьмой раз.

– Поверь, если тебе не понравится даже эта, то мы отстанем от тебя, потому что лучше найти просто невозможно. Это шикарная девушка! Серьёзно, ты такую больше никогда не встретишь.

– Блин, как всегда... – обречённо сказал Хегли, опустив голову и недовольно выдохнув.

– Я её хорошо знаю. Она та, кто из тебя наконец-то сделает приличного зверя.

Антилопе одновременно льстила мысль, что о нём заботятся друзья, помогают построить его личную жизнь. Но в этой самой стройке Хегли никем не являлся. Хью был в роли архитектора, который с точностью до сантиметра уверен в своём чертеже, а Дорэн – прорабом, умеющим строить всё из ничего.

Каждая встреча с новой девушкой была для импалы крайне нежелательна – он любил свободу в том виде, в котором ему позволяла тайная работа. Ему посреди ночи или даже в рабочее время могли позвонить, а он был обязан поднять трубку и рассказать о выполненной задаче. Серьёзные романтические отношения могли лишить его спокойствия и добавить седины на шерсть.

Дорэн – близкая подруга Хегли и Хью – иногда устраивала у себя в квартире гулянки, образно называя их скромными посиделками. Обычно в квартире собирались только самые близкие звери, в число которых входила зашедшая в светлый подъезд пара друзей. Сборище, не превышавшее численность в десять персон, делилось на несколько групп по интересам, объединяющим звеном которых была сама хозяйка квартиры, успевавшая за один вечер поговорить со всеми. Ей была по душе безмятежная и размеренная жизнь библиотекаря – спокойствие, соединявшееся с тишиной, текло по её венам. Но порой хотелось шума, активности не только от самой себя, но и других.

Подойдя к двери квартиры Дорен, Хью первым делом поправил воротник футболки и смахнул локон шерсти на лоб, вспоминая, как однажды девушка сделала ему комплимент, назвала милым. Хегли скромно стоял у стены, скрестив руки у груди, и ждал окончания подготовки друга.

– Ну что? Я звоню, ты говоришь? – издевался над разволновавшимся другом лабрадор.

– Хорошо, – резко ответил Фланнаган и сам позвонил в дверь, опередив Хью.

Дверь открылась практически моментально, словно Дорен стояла возле двери и держалась за ключ, ожидая звонка. Она, увидев перед собой только пса, недовольно откинула голову в сторону. Это была крольчиха с густым белоснежным мехом, блестящим при ярком свете, и лишь левый глаз украшало аккуратное чёрное пятнышко. Длинные уши она старалась прижимать к голове.

От неё шёл мягкий запах парфюма, который идеально сочетался с аккуратными формами тела, дополнял скромный стиль, состоящий в основном из широкого верха и длинного низа.

– Привет. Хегли, ты тоже решил прийти? – с добрейшей улыбкой и ласковым взглядом спросила Дорен, когда антилопа высунул голову из-за стены.

– Можешь не распинаться, твой подельник мне всё рассказал.

– Он сам догадался, – пытался найти себе оправдание Хью.

– Заходите, – сказала крольчиха. – Уже все давно пришли.

Пропустив своих гостей вперёд, Дорен оглядела лестничную площадку и закрыла дверь. Оба парня принялись разуваться и брать с невысокой пластиковой полки домашние тапочки, которые были специально заготовлены для импалы и лабратора. Хозяйка квартиры ценила тонкости домашнего уюта, любила порядок и чистоту, что первое время настойчиво прививала

каждому, кто был в её доме. Многие считали крольчиху странной, порой надевали тапки с возмущением и ворчанием, но в конечном итоге соглашались с мнением Дорен.

Хегли двигался строго за Хью, выглядывая из-за его головы и пытаясь оглядеть собравшихся в квартире зверей. В комнате было темно, все сидели на креслах и диване, говорили о своём и им вовсе не было дела до двух прибывших зверей. Их общество выглядело настолько серым и невзрачным – устремлённые в смартфоны глаза и пустой трёп были характерны почти для каждого.

Антилопа беглым взглядом оглядывал девушек, пытаясь понять, с кем именно его должны познакомить, но он знал каждую из тех, кого усмотрел в комнате. И никто не из них не был ему по душе. Возможно, парень не так хорошо знал их, делая выводы из нескольких не самых долгих разговоров, но был уверен в своём мнении.

Подхватив Хегли за локоть, Дорен повела его к другой комнате, где обычно сама крольчиха находила время для уединения и спокойствия.

– Ты не волнуйся. Если она тебе не понравится, можешь спокойно уйти. Тебе никто никого не навязывает, – проговаривала девушка.

– Можно я тогда сразу уйду и не буду себя искушать?

– Нет, нельзя. И твой манёвр, когда ты в прошлый раз выпрыгнул в окно, не пройдёт. Для тебя знакомство должно быть удовольствием, пусть даже развлечением, а ты превращаешь всё в трагедию.

– Да, послушай её, – подтвердил слова крольчихи пёс, подкравшись сзади и погладив уши девушки. Она просила Хью никогда так не делать, хотя и наслаждалась его нежным поглаживанием. – Для тебя самого будет лучше, если ты перестанешь драматизировать.

– Ладно, я попытаюсь, – сказал антилопа и отчаянно вздохнул. – А почему она одна сидит в отдельной комнате?

– Потому что ей хочется познакомиться с тобой в тихой обстановке, чтобы лучше узнать.

Хегли сделал шаг в сторону. Ему было до безумства любопытно, он хотел посмотреть на ту таинственную особу, которая своей загадочностью вызвала у него жгучий интерес. Раньше он со скепсисом смотрел на знакомства, заранее настраивал себя на недовольство, но на сей раз любопытство сразило холодность настроения.

Тихо приоткрыв дверь на пару сантиметров, импала через тонкую щель, вертя головой, посмотрел внутрь. Всей девушки он не видел, но на подлокотнике кресла грациозно лежала ухоженная рука с серебряным браслетом, а над высокой спинкой виднелись закруглённые у кончиков кошачьи уши.

– Вы совсем с ума сошли?! – шёпотом возмутился Хегли, закрыв дверь. – Она ведь даже не моего вида!

– Какая разница? – в унисон спросили пёс и крольчиха.

– Ну, никакой. Но всё равно ведь она как-то далековато от моего вида.

Взглянув на уставшие морды друзей, антилопа собрался с духом, для себя решил обязательно познакомиться с интриговавшей его девушкой. Он медленно открыл дверь, пропустив вперёд Дорен, и прошёл внутрь комнаты.

В широком клетчатом кресле с высокой изогнутой спинкой спокойно сидела девушка с кружкой кофе на низком журнальном столике и пожелтевшей от беспощадности времени книгой, которую после списания из библиотеки принесла к себе крольчиха. Как только в комнату вошли двое зверей, она оглянулась и аккуратно встала, показывая своё уважение.

– Вот, познакомьтесь, – с удивительной простотой сказала крольчиха, словно ей каждый день приходилось знакомить других зверей, – это Хегли, а это Мишель. Я вам друг о друге рассказывала. Вы знакомьтесь и выходите к нам, хорошо?

Дорен торопливо вышла из комнаты, ведя за собой чуть застывшего, улыбающегося, дёргающего бровями Хью.

Перед антилопой стояла, пожалуй, самая очаровательная хищница, которую он видел за всю свою жизнь. Ему не доводилось вживую видеть саблезубых тигров, поэтому Мишель сразу же добавила в пару к эффекту загадочности ещё и удивление. У неё была стройная фигура, достигать которой, вероятно, пришлось очень длительное время: длинные стройные ноги, округлые бёдра, плавно переходившие в осиную талию и неширокая грудь. Тонкие и вытянутые саблевидные клыки украшали её милую мордочку. Вечернее платье оттенка шампанского с косым подолом и узкими бретелями подчёркивало привлекательные формы и сочеталось с густым тёмно-бежевым мехом, плавно белевшим у шеи и груди. В очаровывающем взгляде таилась некая загадка, что никто не мог разгадать.

– Хегли Фланнаган, – с натянутой улыбкой на морде сказал антилопа, слегка кивнув.

– Просто Мишель, – спокойно сказала тигрица. – Приятно познакомиться.

– Мне тоже очень приятно, – на выдохе произнёс парень, волнение в котором превысило критические отметки.

Но его опасения оказались не оправданы – девушка не только выглядела прилично, но и умела достаточно легко говорить, что стало практически редкостью у зверей. Она чувствовала себя раскрепощённо, не подавала волнительного вида. Это быстро успокоило Хегли, который, расслабившись, откинулся в стоявшем напротив кресле.

– Ты какой-то сжатый, – сказала Мишель с довольной ухмылкой. – Волнуешься?

– Я редко знакомлюсь с девушками и, если честно, не умею привлекать к себе внимание.

– Это хорошо. Мне нравится чувствовать ситуацию, – девушка встала со своего кресла, оставив кружку кофе на подлокотнике, и прошла вдоль ряда книжных шкафов, посматривая на самые броские экземпляры домашней библиотеки. На журнальном столике лежала книга, которую тигрица читала до прихода антилопы – ей, прятанной волнение за улыбкой, нужно было отвести взгляд.

Она любила положение, в котором являлась доминирующим хищником, а её партнёр – загнанной добычей. Но интерес разбился о скромность Хегли.

– У вас очень милый город, – сказала Мишель. – Я здесь совсем недавно, но мне уже он очень приглянулся. Работа шикарная, успела найти себе подходящий круг общения. Теперь решила покончить с одиночеством, в поиске хорошего парня, с которым можно провести время вместе. Это ведь лучше, чем сидеть одной.

– Может, нам лучше пока что зафиксироваться на процессе общения? – спросил Фланнаган, нервно сглотнув. Его беспокоила скорость, с которой Мишель проносилась по стадиям знакомства.

– Мне тоже не хочется ничего торопить. Просто я пытаюсь показать, что моё первое впечатление о тебе положительное. И я даже затылком вижу, что ты с меня глаз не сводишь.

– Мне платье понравилось.

– Тебе не подойдёт – не твой фасон. А что насчёт моей фигуры?

– Ну... – протянул, почесав затылок антилопа. – Нравится, не буду отрицать. Но я в душе романтик и не могу так всё это резко... В общем, ты меня поняла.

– Да, я поняла, – с разгоревшимся пламенем в голосе сказала Мишель. – Знаешь, что самое приятное в поимке преступника?

Услышав весьма странный вопрос, Хегли дёрнулся от нервозности, толкнув журнальный столик. Тема, на которую перевела разговор тигрица, была открытой раной с горсткой соли наверху. Ему даже не хотелось отвечать на заданный вопрос, но затянувшееся молчание выудило из него самый бесхитростный ответ.

– То, что он пойман?

– Почти. Видеть результат своей работы гораздо приятнее. Он долго прятался, его никто не мог найти. А ты нашла, и он полностью в твоей власти, словно игрушка. Ты доминируешь над ним, изводишь его, издеваешься, пытаешься высвободить злость из сердца и излить её на

ненавистного зверя. А после этого оглядываешься и видишь, как мир, который охраняешь, становится чище. Это приятнее всего.

– Странные темы для разговора.

– Издержки профессии.

– Ладно. А кем ты работаешь? – с осторожностью спросил Фланнаган.

– Я новый обер-прокурор Доминиона.

Внутри парня всё мгновенно оборвалось. Он с полными страхом глазами смотрел в пустоту. Самое опасное для него существо стояло ним, пыталось заигрывать, играть с парнем. Флирт уже перестал казаться таковым – будто Мишель старалась морально изнурить Хегли, зная, что он вражеский диверсант.

– Интересная профессия, – еле вымолвил антилопа. – Даже удивляюсь, как такая красивая девушка может работать с настолько опасными преступниками.

– Спасибо. Мне это труда не составляет, а даже приносит удовольствие.

– Как это может приносить удовольствие?

– Сразу видно, что ты из тех, кто кулаками не машет. Против насилия, войн и прочего проявления агрессии. Такие обычно только мешаются под ногами, но иногда они спасают правительство от резких действий и перемен.

– В каком смысле?

– Зачем тебе забивать свою славную рогатую головушку? Это ведь политика – сущий кретинизм в обличии необходимости.

Вздыхнув, Хегли обратил внимание на кружку, в которой парил горячий кофе. Девушка пришла в то место, где предложение выпить безалкогольный напиток расценивалось как издевательство, но, тем не менее, наслаждалась именно им. Хегли подумал, что Мишель могла не пить, потому что находилась на рабочем, и, собрав воедино мысли и решительность, сказал:

– Мы могли бы выпить немного, если ты не возражаешь. Я не предлагаю тебе напиваться до обморока, но мы могли бы слегка раскрепостить себя.

– Значит, ты не отрицаешь своей сжатости на фоне волнения? – спросила девушка. Антилопа был удивлён её хваткой – она выжимала из каждой фразы двести процентов информации, которую могла использовать в дальнейшем. – Или тебе просто хочется выпить?

– Я не из пьющих. И я не волнуюсь. У меня спокойствия хватит на десятилетиях.

– Тогда зачем нам раскрепощаться? У нас с тобой вполне интересный, плавный разговор. Лично мне такие нравятся.

– Почему?

– Потому что на работе приходится либо кричать, либо давить на кого-то. А это очень утомляет, изнуряет, порой думаешь, что лучше на полях лён выращивать, чем иметь дело с таким количеством зверей. У каждого свои вопросы или претензии, за каждого в ответе.

– А сколько работников у тебя в подчинении? – Хегли задал вопрос, из которого потенциально можно было выжать хоть немного выгоды.

Мишель не успела ответить – на её телефон поступил важный звонок, который она не могла игнорировать. Заиграла ритмичная музыка, понравившаяся парню набором инструментов и тональностью.

– Извини, это по работе.

Приняв вызов, девушка поспешно вышла из комнаты. Парень остался один, если не считать сотни дурных идей и неприятное предчувствие, которые клещами впились в его голову. Сознание, державшее в себе инстинкт самосохранения, заставляло его бояться девушку.

Её отсутствие было недолгим – спустя полминуты Мишель вернулась, но только за тем чтобы попрощаться с Фланнаганом. Она извинилась перед ним за резкое окончание разговора, за то, что им не удалось дольше поговорить; ей хотелось остаться подольше и, возможно, при-

менить несколько фирменных уловов, которыми она влюбляла в себя самцов. Но ей пришлось уйти.

Хегли тоже не стал долго задерживаться, вышел из комнаты с желанием поскорее добраться до своей обители, запереться в ней и поговорить с тем зверем, которому можно доверить секрет своего знакомства. В квартире не горел свет, разговоры были слышны только в зале и на кухне. Для паранойи антилопы были созданы все условия – он думал, что всё было специально разыграно, что его выследили и будут за ним следить, пока он снова не высунет своей рогатой и одуревшей головы.

Его друзья сидели на кухне с парой других зверей и пытались зажечь водку в стальной ложке. Из короткого разговора Хегли понял, что Хью собрался пить её в огне, пытаясь доказать всем, что даже самые необычные способы употребления алкоголя для него не являются испытанием.

– Мне домой надо, – сказал Фланнаган, когда к нему подошли пёс, старавшийся держать ложку ровно, чтобы не вылить содержимое, и Дорен, у которой был испуганный и разочарованный взгляд, мерцавший в темноте от света телефонного фонаря.

– Что-то случилось? – спросил лабрадор.

– Всё хорошо. Просто хочется отдохнуть перед рабочим днём. Сегодня очень устал, силы на исходе.

– Ну ладно, беги. Увидимся завтра на работе.

– Это точно не из-за Мишель? Она вышла только что, я провожала её до двери, – включив в коридоре и прикрыв фонарь пальцем, тихо произнесла Дорен. – Вы поругались с ней?

– Нет. Она восхитительная девушка, честно, – сказал Хегли, улыбнувшись, лукаво посмотрев на друзей. – Мне наконец-то понравился тот вариант, который вы предложили. Огромное вам обоим спасибо. А теперь мне нужно идти.

Тепло попрощавшись с провожавшими его псом и крольчихой, антилопа вышел из квартиры и, дождавшись щёлкнувшего механизма дверного замка, упёрся рогами в стену. Ему никогда прежде не доводилось находиться так близко к обер-прокурору, говорить с ним и даже ощущать на себе приятные прикосновения флирта. Смешанные чувства от встречи с Мишель обрекли его на долгие раздумья, в которых он терялся, не понимая своего отношения к девушке. Парень был вынужден ненавидеть её, желать ей зла, смерти, но не мог даже плохо подумать о ней.

Во власти летней ночи тьма окутала весь город, давая большинству зверей возможность сладко выспаться. Для других же она была причиной создать коллапс. Фланнаган обычно относился ко второй категории – если брать в целом его идеологию, – но той ночью ему пришлось залечь на дно.

Он лежал на кровати, пытаясь вспомнить каждый момент разговора с Мишель. Было жутко, по телу неоднократно пробегала дрожь. Её властные слова, которыми она вела разговор по нужному ей пути, чувствовались на коже спустя несколько часов, опасный, но сладкий голос звучал в ушах. Закрыв глаза, с силой сжав веки, Хегли настраивал себя на другие мысли, пытался найти любое воспоминание, которое и единым словом не связано с обер-прокурором.

Сам импала не стал для себя отрицать очевидное – Мишель заворожила его. Он говорил с ней так мало, но для него те минуты казались длинной в несколько жизней. Чувствовалось желание продолжить общение с ней и, если бы повезло, узнать несколько любопытных данных о предстоявших операциях Доминиона.

Телефонный звонок прервал скребущую душу меланхолию. Поначалу ему не хотелось принимать вызов и разговаривать, но он знал, какие могли быть последствия молчания.

– Я слушаю, – резко и грубо сказал антилопа. По ту сторону послышался позывной кашель и хрипение.

– Глушитель включил? – послышался вопрос координатора. Тот зверь, которого Фланнаган ни единого разу в глаза не видел, никогда не ходил вокруг да около, всегда начинал с дела – им и заканчивал.

– Да. Я его вообще не выключаю, когда нахожусь дома.

– Молодец, только не забывай давать ему остынуть.

– У вас ко мне есть дело?

Координатор замолчал, словно его и не было до этого – сплошная тишина. Хегли даже посмотрел на телефон, подумав, что ухом случайно нажал на сброс вызова.

– Агент Альфа был пойман полчаса назад.

Тихонько взвывая от злости, Фланнаган поднялся с кровати, сел на край, подперев руками тяжёлую от сложных мыслей голову – появилась очередная проблема, коих скопилось беспроектное множество. За один только вечер и ночь можно было приплюсовать две, имеющие серьёзнейших характер.

– Я... догадываюсь кем именно, – взволнованно произнёс Хегли и почесал за ухом.

– Удиви меня.

– Её зовут Мишель, она саблезубая тигрица. Фамилии не знаю. Она новый обер-прокурор Доминиона в городе

– Да, именно так. А откуда ты её знаешь? Официального представления ещё не было.

– Сложная ситуация, – вздохнув, сказал Хегли и нервно рассеялся. – Я с ней сегодня лично познакомился. Вот так.

И снова молчание, на сей раз вызванное всплеском удивления. Переспросив и услышав тот же ответ, координатор засмеялся. Его смех был чистым и звонким, похожим на женский.

– Это же чудесно! – снова с хрипотцой сказал зверь и сухо откашлялся. – Это же прекрасный шанс!

Последующие восхищения координатора становились громче, выразительней. Он благодарил всё и вся за возродившуюся надежду на светлое будущее, что давно была потеряна в преступной группировке.

– Ну и как она? – спросил координатор, закончив свою долгую радость. – Молния была на месте задержания, сказала, что в ней ничего особенного нет. Как ты считаешь?

– Красивая девушка. Одинокая, пыталась со мной заигрывать, как-то флиртовать. А так она...

– Подожди, что она делала? – прервал зверь Фланнагана громким криком.

– Ну, она проявляла какие-то знаки внимания мне. Вообще я с ней познакомился через друзей, которые захотели нас свести вместе.

– Хах! Так это ещё лучше! Я хотел перебросить тебя на Северо-Восток, чтобы ты Альфу заменил. Но, как мне кажется, тебя лучше использовать немного иначе. Пока готовься к следующему заданию, потом решим, что с тобой делать. И не забудь, что тебе нужно где-нибудь засветиться перед началом выполнения задания. Молния будет в Центральном парке. Завершение.

Оконченный звонок спровоцировал прилив вопросов в голове Хегли. Он долго не мог прийти в себя, задумываясь над каждым словом, над каждым звуком, произнесённым его координатором. Сам Фланнаган был не из робкого десятка, считался самым опасным из всех диверсантов «Грозы», получил заслуженное прозвище Гром, которое каждую неделю блестело на первых страницах главных криминальных и политических газет. И при таком раскладе, при всём опыте и здравом смысле он догадывался о задании, которое ему могли навязать.

Все за и против уложились в равную меру на весах сложного выбора, их количество и значимость идеально совпали. С одной стороны, Хегли боялся раскрытия, что так поставит под удар не только организацию «Грозы», но и мораль остальных диверсантов. У него был зверь в группировке, с которым, возможно, всё было не гладко, но верность обязывала думать за его

чувства. На другой стороне он видел небывалый успех в случае полного выполнения задания. Фланнагана не устраивала ничья – более того, он старался придумать любой повод «против», даже самый глупый и пустой. А приходили только «за».

С мыслями о будущих ночах, которые не мог представить без своей тайной жизни, он уснул, аккуратно прижавшись к стене, соприкасавшейся с кроватью.

Спокойными ночами Хегли спал крепко, ему редко снились сны, будто сам бог сновидений не хотел преподнести ему свои дары. Зато импала мог выспаться, не пробуждаясь от идиотических и бредовых кошмаров. Он редко прерывал свой сон, только если рога болезненно бились о стену. Но этой ночью никто и ничто более не помешало ему насладиться нежными объятьями сна.

Очередное утро парень встретил с негативом – стыдливый луч июньского солнца озарил своим светом глаза Хегли. Первым делом Фланнаган включил телевизор, в ранние часы на котором, как обычно, показывали выпуски самых важных новостей. Антилопа хотел увидеть в них Альфу и Мишель, но работники телевидения обошлись лишь словесными комментариями по прошедшей операции Доминиона.

Город был готов к новой рабочей неделе. За выходной день многие успели отдохнуть или хотя бы расслабиться, набраться терпения перед очередными шестью днями безнадежной пахоты. Хегли любил свою работу, ему в ней нравилось абсолютно всё: удобный график, зарплата, возможность видаться с лучшим другом. Но большее удовольствие он получал от своего низкого, но всё же положения: когда собравшиеся отобедать звери ждали только его, когда ему было позволено подходить к ним с напряжённым и серьёзным выражением лица и гордой походкой – начальство было счастливо отзывам посетительниц, уставших от дешёвых улыбок, а сам Хегли мог не скрывать своего эгоизма и пренебрежения ко всему ненавистному городу, ходить естественно для себя и получать за это похвалу. В этом был его стиль, который отличал его от остальных. Многие посетительницы, перешёптываясь между собой, называли антилопу хмурым и всегда пытались заставить его улыбнуться.

На работу импала приходил раньше всех, за час до открытия. А вот Хью обычно делал с точностью до наоборот. С каждым опозданием лабрадор отбывал на работе лишний час, а в помощь ему оставался и Хегли. Но в этот день то ли озарение безжалостно напало на него, то ли заиграло заснувшее чувство совести перед шефом, который и без того прикрывает пса, наблюдая в нём развитие навыков, редкий талант, но пёс пришёл даже раньше своего друга.

Хью сидел на скамье напротив раздаточного стола, откинув голову в сторону и не отрывая пустого взгляда от одной точки. У него был измотанный вид, он изредка подрагивал носом и ушами, будто думал о волнительных моментах, прошедших за его жизнь. А ему нравилось ворошить своё прошлое, и обычно лабрадор вспоминал не радостные моменты, эмоции от которых быстро остывали, а нелепые слова, поступки, краснея много лет спустя. Сам пёс представлял перед друзьями эмоциональным и заряженным зверем, лёгкая улыбка редко сходила с его морды, но, оставаясь наедине с собой, он становился грустным и невзрачным.

Не заметив друга, Хегли прошёл к раздевалке, где нашёл свою униформу, выглаженную со вчерашнего вечера. Рабочая форма как нельзя кстати шла антилопе: белая рубашка с длинным рукавом, тёмно-серые брюки, слегка искрящиеся при свете, и клетчатый чёрно-синеватый фартук, который тесно обтягивал талию. В нём Фланнаган казался даже более худощавым, чем обычно.

Он вышел из раздевалки и, увидев Хью, растянул довольную улыбку. Хегли узнал эту морду – она обычно напивалась до агонии вечером, а утром ходила по всей кухне и повышала недовольство посетителей своей медлительностью.

– Кто-то вчера вечером слишком хорошо отдохнул, – злорадно хихикнув, сказал Фланнаган и присел рядом с другом. Лабрадор нахмурил брови, косо посмотрев на антилопу. – А теперь этому кому-то уже сегодня слишком плохо.

– Никогда не пей водку, которая в это время горит, – грубо сказал Хью, опустив и без того висящие уши ещё ниже. – Я всю ночь рот раствором полоскал, чтобы у меня ожоги прошли.

– Ты вроде бы даже не шепелявишь.

– Значит, раствор помог. Хотя язык очень сильно болит, будто я им раскалённый нож облизывал, – сказал лабрадор и закашлял. – Ещё и глотку, наверное, обжёт.

– Тебе скоро стукнет тридцать лет, пора семью заводить, а ты до сих пор... Я даже не могу слов подобрать, чтобы описать твоё... это... занятие ерундой.

– Ты всё правильно говоришь, но слушать я тебя, конечно, не буду. Мелкий ещё, чтобы старших учить, – Хью расцвёл, слегка приободрился. На его лице снова появилась довольная улыбка, глаза заискрились от оптимизма. Он с силой почесал голову Хегли, взъерошив короткую, шелковистую шерсть. – Я такой злой на себя был, что даже на работу пораньше пришёл.

– Тебе стоит чаще на себя злиться – меньше потом будешь отрабатывать опоздания.

– Это ты во всём виноват! – неожиданно заявил Хью и толкнул друга в плечо. Хегли пошатнулся, как осина на ветру, и вернулся в исходное положение. – Если бы ты вчера вечером не ушёл, то я не догадался бы в раздумьях пить этот огненный коктейль!

– В каких раздумьях? Причём здесь я?

– А кто вчера придумал левую отмазку, чтобы уйти? Да ещё и Мишель перед тобой ушла. Мы с Дорен приняли это за ссору и стали дискуссировать на тему «Чем наш мирный Хегли может так обидеть тихую девушку, которую впервые видит в глаза?». Вот серьёзно, чем?

– Мы не ругались. Просто ей позвонили с работы, а я так перенервничал, что захотел спать. И ещё одно... – Фланнаган демонстративно сделал глубокий вдох. – Кого это ты мирной девушкой назвал!? Ты знаешь кем она работает?

– Знаю, – тихо сказал лабрадор, оглядываясь, стараясь притушить порыв антилопы, – только ты это не агитируй. Сам понимаешь, лучше, если о её работе будем знать только мы.

Хегли, улыбнувшись, кивнул. Ему о такой жизни было известно много, и, как он считал, гораздо больше, чем саблезубой тигрице, которая при первой встрече с незнакомцем так просто срывает с себя маску.

– Ладно, мне надо готовиться к открытию. Кто-то же должен светить своей мордочкой, пока другие нюхают запах палёной шерсти.

Встав со скамьи, Фланнаган нелепо отдал честь и, пританцовывая, покинул кухню.

Ему нравилось сервировать столы, особенно одному, когда в зале царствует необитаемость, таинственный полумрак и идеальная чистота. В такой атмосфере легко заблудиться в мыслях, потерять счёт времени. В блестящих тарелках, отчищенных до кристальной чистоты, виднелось отражение антилопы, как тёмное пятно, но в нём можно было разглядеть задумчивость парня, не обращавшего даже мельчайшую капельку внимания на свою угрюмость.

Со временем стали подходить остальные работники, с которыми Хегли редко общался, и, если выпадал такой шанс, разговоры были исключительно о работе. Все его коллеги стояли близко друг к другу, старались держаться вместе, а Фланнаган, словно отчуждённый, изгоем уходил от них. Единственным, кто смог добиться дружеских отношений, был Хью, который в силу своей простоты и распущенного языка свободно общался со всеми.

С открытием начался новый отчёт рабочего времени, предполагавший полную отдачу и выдержку. Хегли томно стоял в проходе, ожидая своих клиентов. К нему за столики обычно подсаживались только знакомые звери, некоторые из них имели карты постоянных посетителей. Их что-то привлекало в тех самых местах, где они всегда присаживались; возможно, красивый вид из окна, или желание сидеть у стены и наблюдать за всем залом, а, может быть и официант, который за всё время успел выучить имена своих частых гостей.

Шли часы, утро разгорелось в день. Уже приближался полдень – время, когда нередко приходилось брать два подноса и грациозно балансировать по залу, как жонглер на одноколёс-

ном велосипеде. Хегли успел забрать заказ у Хью, в основном готовившего для его посетителей, и выйти в царство аристократии и интеллигенции.

Он видел зверей, ждущих от него заказа не первый десяток минут, шёл к ним, но случайно бросил небрежный взгляд на остальных. Через один столик, также закреплённый за Фланнаганом, сидел высокий лев с пышной и ухоженной гривой, одетый в джинсовый костюм. У него был радостный вид, блестели глаза, очарованием которых старался заманить сидящую напротив девушку. Хегли не видел её мордочки, но само тело показалось ему знакомым.

Решив не заглядываться на посетителей, импала отнёс заказ.

Он поднял взгляд на тот столик – с его позиции можно было разглядеть спутницу льва. Худшие опасения антилопы подтвердились. Фланнаган, поправив галстук-бабочку, душившую его, плавным движением отцепил от фартука блокнот и торопливо подошёл к своим новым клиентам.

– Здравствуйте! Что будете заказывать? – спросил Хегли и начал монотонно перелистывать пустые страницы блокнота, делая вид, что на них написано множество полезной информации.

– У нас нет меню, – озадаченно ответил лев.

– В нашем ресторане возможно все. Если хорошо заплатить, можем приготовить кого-нибудь из гостей, – не отрывая взгляда от листов, сказал парень, что вызвало улыбку и лёгкую усмешку у гостей. Хегли боковым зрением видел, что сидевшая за столом Мишель вглядывалась в него, не верила своим глазам. – Извините, сейчас принесу.

Отойдя от них, импала с силой сжал зубы. Он впервые забыл принести посетителям меню и только из-за того, что хотел произвести на посетительницу неизгладимое впечатление, которое могло быть создано только удивлением. Но шутка ему удалась как раз. Только Фланнаган не хотел останавливаться на единственной атаке.

– Прошу, – сказал он, вернувшись и отдав меню. – У нас широкий ассортимент изысканных блюд. Ещё никто не устоял от аппетитной севрюги в лимонах – это блюдо сегодняшнего дня, которое для вас с удовольствием приготовит сам шеф-повар.

– Ну, госпожа Ярвинен, вы выбирайте, – резко произнёс лев, обратившись к Мишель, – а я ненадолго отлучусь, – он осторожно встал из-за стола, подошёл впритирку к антилопе. Хищник был огромным по сравнению с антилопой, чуть ли не в два раза шире, отчего у импалы пробежала лёгкая дрожь по всему телу. – Где у вас здесь...

– Там, – не дал договорить льву Хегли, махнув головой в нужную сторону.

Оставшись наедине со своим врагом, который ещё об этом не знал, Фланнаган медленно вздохнул. Мишель не глядя листала меню, смотрела на парня и почти незаметно улыбалась.

– Если вы не против, я подойду позже, – сказал импала.

– Я против, – ответила тигрица, не дав Хегли даже шагнуть в сторону. – Мне хочется, чтобы вы посоветовали блюдо на свой вкус.

– Понятия не имею, что вам может понравиться.

– Допустим, мне хочется десерт, – Мишель уловила суть игры с парнем, в которой он пытается уйти, а её задача разговорить его, постараться отключить от режима официанта и переключить в стандартные настройки.

– Ну хорошо, – Хегли наконец искренне улыбнулся, оглядев девушку, – госпожа Ярвинен. Я могу предложить вам тирамису. Это очень модный сейчас десерт, в состав которого входит кофе. Помнится, вы вчера наслаждались этим напитком.

– А что из напитков? Только, пожалуйста, без алкоголя.

– У нас есть множество фруктовых и молочных коктейлей. К чему вы больше тяготеете?

– А что вы мне посоветуете по своему вкусу?

– Я бы предложил вам апельсиновый фреш. Если хотите, могу лично поставить вам столько зонтиков, сколько вам будет угодно.

– Тогда налейте сразу в зонтик! – сказала терявшая терпение девушка, громко захлопнув меню.

– Как вам будет угодно, – с усмешкой произнёс антилопа и приставил к бумаге карандаш.

– Всё, хватит! – чуть ли не крикнула тигрица и недовольно из-под лба посмотрела в глаза парню.

– Сдалась?

– Ты пытаешься делать вид, будто мы с тобой не знакомы – мне это не нравится.

– Я просто выполняю свою работу. Официанту нельзя вести беседы с гостями.

– А мне кажется, что ты обиделся за мой вчерашний уход.

– Тогда можно сюда приписать и странного мужика, который на тебя смотрит влюблённым взглядом, – сказал Фланнаган, понимая, что его слова слышатся как ревность.

– И это, в принципе, тоже. Но мне вчера действительно нужно было на работу, а сейчас я праздную поимку опасного преступника со столичным инспектором.

– Я ничуть не против. И вообще не таю на тебя обиды, просто рабочая этика.

– Хорошо. Тогда, я надеюсь, мы сможем встретиться снова и попытаться нормально поговорить. Как насчёт сегодняшнего вечера? Возле входа в центральный парк в девять часов.

Фланнаган замер, стараясь ни о чём не думать. Он взглянул за окно, на улицу, где был прекраснейший день, где звери наслаждались жизнью. Ему захотелось вдоволь напиться тем удовольствием, что все получают от приятных вечеров. А Хегли уже и забыл их сладкий вкус. Приходилось либо оставаться на работе, после которой ничего не хотелось, либо принимать участие в очередных авантюрах Хью, либо отправляться на опасные рейды, с которых можно было и не вернуться домой.

– Я приду, – задумчиво сказал импала, насильно оторвавшись от своих мыслей.

– Рада это слышать. Надеюсь, сегодня нам удастся поговорить ещё и узнать друг о друге больше.

Вернувшийся лев, который аккуратно обошёл Хегли и сел на своё место. Он был полон энтузиазма, сразу заказал бутылку дорогого вина, на которую сразу упал его взор. Своими манерами и действиями инспектор вызывал крайнее отвращение у антилопы, время от времени поглядывавшего на двух отдохнувших гостей. Мишель, конечно, вызывала симпатию у льва, чего он и не скрывал, изредка дотрагиваясь до её руки, говоря нежные слова, но на большее ему не позволяла сама девушка, чаще поглядывая на смущённого и напряжённого Хегли, чем на своего спутника.

Обеденный перерыв подходил к завершению, зал пустел от уходящих к трудящимся вершинам зверей. Последними из тех, кто просидел весь час, была Мишель и её начальник – как стало известно из разговора – Иероним. Лев под конец обеда склонил голову, загрустил, хотя, как показалось Хегли, больше давил на жалость, стараясь любыми методами добиться расположения девушки. С минутами терпение вытекало из чаши, Ярвинен решила прекратить позорище и увести Иеронима подальше от импалы. Они оба оплатили счёт, сразу же передав его официанту, так варварски похищавшего внимание Мишель всё это время.

Хью продолжал стоять у плиты, не прекращая работу ни на минуту. Его стараниям был рад шеф, который стоял в паре шагов и пристально поглядывал за своим подчинённым – это до безумства раздражало пса, старавшегося в такие моменты делать свои движения максимально идеальными и эффектными. Пёс вошёл в зону, был полностью погружён в работу, пока чужая рука не дотронулась до его плеча и не сбила лабрадора с волны.

– Чёрт! Хегли, ты как всегда не вовремя! – прошипел Хью. Он развернулся к своему другу и, полностью не охладившись от нарезания моркови, выставил нож перед импалой.

– Опять хотел на шефа произвести впечатление? – ответил псу Фланнаган и схлестнул два орудия ресторанных миров между собой: счётом отвёл нож в сторону. – Только вряд ли он оценит.

Обернувшись, Хью не увидел перед собой того зверя, которого краем зрения останавливал в течение нескольких минут. На той стороне плиты никто не работал, а сам шеф ранее вышел в зал.

– Глянь! – радостно прошептал Хегли, протянув другу счёт. Лабрадор замер в ступоре после осмотра содержимого. Он увлечённо перелистывал купюры, запутывался в сумме пару раз и пересчитывал снова.

– Неплохо так, как три рабочих дня... – наконец вымолвил пёс, отрёкшись от внешнего мира. – А кто это такой щедрый?

– Мишель. Сейчас приходила сюда с каким-то телом обмывать свои рабочие дела.

– Это... Зря я столько лет учился на повара. Для счастья нужно всего лишь родиться с красивой мордой, а всё остальное не важно, – он говорил это медленно, с отведённым в сторону взглядом. Хегли щёлкнул его по носу, отчего тот моментально пришёл в себя.

– Это была Мишель. Та, с которой ты меня вчера свести пытался.

– А, да?

– Я тебе это второй раз уже говорю.

– Отвлёкся немного, в небытие зашёл. Ну... если это Мишель, то тогда я не зря учился. А то уже злиться начал. Буду считать, что она проявила такой знак внимания. Немного обидный.

– Почему?

– Потому что это деньги. Лично для меня даже тёплые слова были бы более весомой благодарностью, – с долей обиды сказал пёс.

– Дорен хвалила твои блюда, но тебе это всё равно не понравилось.

– Как ты меня с этим достал... – Хью от негодования почесал подбородок ножом и, откашлявшись, развернулся к разделочной доске. – Я могу ей в тысячный раз предложить прогуляться, но она никогда не поймёт моего намёка на свидание. Тебе в этом плане даже проще. Сразу отказал всем, прокрутил динамо и спокойно жить, гулять по-своему. А мне уже тяжело... Я не знаю к какому берегу прибиться: оставить попытки её добиться, начать новую жизнь, или, как это обычно со мной случается, остановиться на полпути, придумать совершенно несуразную отговорку и с малейшего прогресса вернуться на свой любимый и вечный ноль.

У Хью с Дорен действительно были довольно сложные отношения, в которые даже Хегли был поглощён с рогами. Он знал о неумолимых чувствах своего друга, о том, что они полностью взаимны, но не говорил, молчал, как партизан, выполнявший приказы двух начальников одновременно. Его друзья были схожими – это, по мнению Фланнагана, не оставляло им шанса на счастливую жизнь вместе, – они любили шумные компании, развлечения, которые обычно создавали сами для себя. Но на самом деле в чертогах их душ таились спокойствие, навеянное меланхолией, скромность и миролюбие, а активными они были только в присутствии своих друзей.

Смотря на ситуацию с трёх сторон, Хегли располагал большими фактами, чем Хью и Дорен вместе. Свести их импала не пытался, самостоятельно отказавшись от этой идеи в первые минуты. Рано или поздно один из них в порыве эмоций, позитивных или негативных, должен был высказаться – на это антилопе приходилось уповать не первый месяц.

У самого Фланнагана история была ещё хуже, ещё запутанней...

Он, вернувшись из мира воспоминаний, устало поднял голову вверх, к резкому свету белых ламп, нависших над столами и плитами. Ему нужно было вернуться в зал, к гостям, но навязчивые фантомы вертелись в его голове, заставляя подчиниться им и попытаться впервые подтолкнуть лабрадора к важному шагу. Хегли отсчитал половину от своих чаевых, приподнял колпак Хью и, положив деньги между ушей, опустил его.

Зал практически опустел. У входа сидела влюблённая парочка, раздражавшая Фланнагана своим присутствием и существованием в целом, и трио девушек, которые нормальную еду не едят, а фотографируют и нюхают, питаясь в это время отравой для поддержания. В при-

страстях к разной пище Хегли разбирался с удовольствием – его привлекали взгляд и мимика тех зверей, которые никогда не ели «недоступного» им, но неожиданно решили попробовать. Смотреть на волка, грызущего огурец, не понимающего удовольствия в овоще, было менее интересно, чем на быка с куриной ножкой. Однако всех этих зверей объединяло нездоровое любопытство, страсть к новым ощущениям, порой выходящим за рамки приличия, которую никогда не понимал парень, делавший, живший по инструкциям и приказам.

В его голове вертелась будущая встреча с Ярвинен – её фамилию импала повторял сотни раз, старался запомнить на всю свою жизнь. Данные о девушке он хотел передать координатору, чтобы уже тот решал о её судьбе. А у Хегли была своя личная жизнь, в которую он не хотел впускать чуждую душу, способную свести усилия лучших лет в ничто.

Вечер подкрался незаметно. За окном исчезал день, медленно темнеющий, переходящий в ночь. Растворялась боль города, который остывал от горячей работы. В предвкушении завершения дня все старались поскорее закрыть ежедневник с обязанностями и перейти к свободе действий. Хегли был не исключением, но для него вечер мог стать страшнее дня.

Он явился в парк чуть раньше, воспользовавшись законом жанра, как отговоркой, а на самом деле желал осмотреть местность, на которой ему предстояло вести беседу со злейшим врагом. Его планам не суждено было сбыться – на скамейке с маленькой дорожной книжкой сидела Мишель. У неё вряд ли возникала проблема с нарядом на вечер, ведь Фланнаган видел девушку только три раза и всегда она была в разных платьях. На сей раз тигрица предпочла яркий образ, в котором красный цвет был украшен броскими жёлтыми оттенками – тонкими полосами вдоль талии и у воротника.

Очередное сравнение стремительно расположило к себе доминантную сторону разума. Ярвинен, на которую приятно смотреть даже неприятелю, казалась чистойшей, не имеющей в себе тёмного пятна. Её всегда опрятный вид заслуживал уважения, а утончённые манеры подчёркивали привлекательную женственность. Сам же Хегли почти не следил за собой, считая, что не обязательно выглядеть идеально для остальных. Но в тот момент ему стало тошно от самого себя. Хотелось выглядеть достойно рядом с настолько привлекательной особой.

Фланнаган нервно ступал по дорожке, выложенной красной и жёлтой плиткой в шахматном порядке, обращая внимание на каждую деталь окружающего мира: на зверей, воодушевлённых прогулкой в парке или просто пробежавших мимо для разминки, на выстриженные деревья с аккуратными кронами, на небо, где каждую секунду загоралась новая, еле видимая звезда. Хегли чувствовал слабейшее дуновение ветра, пробежавшего по его шерсти, поглаживающего её, тепло, которым был наполнен летний вечер.

И вновь импала пробудил излишнюю нервозность, спящую в обнимку с паранойей. В парке было довольно темно, но девушка сидела с книгой, наверняка даже не видела букв. Это выглядело очень подозрительно и глупо.

Заметив антилопу ещё за несколько метров, тигрица привстала со скамьи, хлопнув книгу, и пошла ему навстречу. Импала видел её довольный взгляд, видел её удовлетворённую улыбку и сам невзначай улыбнулся – редко он это делал, особенно в присутствии чужих.

– Так и знала, что ты придёшь немного раньше, – сказала Мишель, чуть опустив подбородок.

– Люблю всё делать заранее – усмехнувшись, ответил Хегли. Он спрятал руки в карманы брюк, слегка согнул спину. – Ещё не передумала идти со мной?

– Вообще-то, это я тебя пригласила.

– Ну, я, как видишь, не передумал. Хочешь мороженого или что-нибудь ещё? Сегодня одна гостыя дала мне щедрые чаевые, которые я намерен вернуть ей в виде развлечений. Не знаешь, кто бы это мог быть?

– Не знаю, – оглядев антилопу и подвинув ему одно плечо, сказала девушка. – Возможно, ей очень понравился официант и подача блюд. А ещё может быть, что она хотела дать ему денег на новую рубашку.

Хегли опустил голову вниз, посмотрев на свою одежду, в которой он был и вчера, когда познакомился с Мишель. Импала потянул рубашку вниз, старался опустить её ниже, растянуть, будто она ему самому не нравилась.

– Нормальная футболка. Моя любимая. Я в ней... – он мысленно перебрал все счастливые моменты, связанные с вещицей, но о них ни в коем случае нельзя было рассказывать тигрице. – Много чего было, всего и не вспомнишь. Чем тебе не нравится?

– Мне нравится. Не всё то золото, что блестит.

Проведя пальцем по подбородку антилопы, Мишель словно звала его за собой. Она грациозно и свободно сделала несколько шагов вперёд, обернулась к парню, застывшему от удивления. У него было неизмеримое чувство, в котором он восхищался девушкой, одновременно испытывая отвращение; ему нравилась её игривость и острота, но сам факт, что она обер-прокурор Доминиона, ненароком заставлял ненавидеть Ярвинен. Хегли неуверенно шагнул к тигрице, не сводившей с него глаз.

– Куда пойдём? – спросил импала, рассматривая всё вокруг и ни разу не бросив взгляд на Мишель.

– Куда хочешь.

– Я безынициативен. Тебе придётся брать контроль в свои руки.

– Мне это нравится гораздо больше. Тогда давай пройдемся по аллее, посмотрим на предоставляемые здесь развлечения. Мне не хочется дурачиться, а просто ходить очень скучно.

Чувство, что он попался на крючок, не уходило от Фланнагана. В ярком свете, исходящим от Мишель, ему виделась чернота, словно никто не мог относиться к нему с такой добротой, с таким пониманием – он чувствовал подвох. Это отторгало его от тигрицы.

Однако у девушки были свои размышления на счёт ускорения отношений с антилопой. Она демонстративно подала ему свою руку, напрашиваясь на прикосновение. Фланнаган перестал ощущать себя в себе – из него выходил собственный дух, пропитанный злостью и негативом. Ладонь хоть и находилась пару секунд без движений, но, как казалось парню, манила его блеском своей шерсти, ухоженностью, аккуратностью. Даже то, что это была ладонь девушки, казавшейся сошедшей с Небес, привлекало антилопу.

Он дотронулся до той, кого боялся, кого хотел уничтожить хотя бы в своём воображении. Прикосновение казалось колким и от этого приятным. Мягкая женская ладонь сжалась с его грубой, зачерствелой. По телу Хегли пробежал разряд тока, который опьянял разум.

Пара шла рядышком, держась за руки, аккуратно размахивая ими. Мишель была в восторге от достигнутого прогресса, даже иногда, казалось, старалась подпрыгнуть вверх, но неудобная обувь на высоком каблуке притягивала её к земле. Хегли же глядел на расплывающийся мир, где каждый зверь не чувствовал печали, довольствуясь благодатью вечера. Он чувствовал их радость, он понимал её. И ему это не нравилось. Неужели он, выполняя обязательства перед «Грозой», стараясь запугать весь город в течении нескольких лет, не заслужил права видеть огорчённого жителя?

– Хочешь прокатиться на таком? – сказанным Ярвинен выбила Хегли из размышлений. Она показывала антилопе на красный велосипед-танDEM с двумя местами, сдающийся в аренду.

– Ты не сможешь ехать на нём в платье, – пытался выкрутиться Фланнаган, не желая даже подходить к палатке проката.

– Ну и что? Я до семнадцати лет жила в казарме с пятью парнями, так что стыд из меня давно выветрился.

– Чего?! – удивлённо спросил Фланнаган, вытаращив глаза. – До семнадцати лет?

– Да, – Мишель медленно шла в сторону палатки со сдающимися велосипедами и сеговеями, с головой окунувшись в океан воспоминаний. Детство было не из лёгких, оно лежало грузом в голове девушки, которая старалась как можно меньше рассказывать о тяжёлом прошлом. – Ещё в восемь лет отец отдал меня в академию, чтобы из меня воспитали первоклассного офицера. Хотел, чтобы в дальнейшем я могла руководить группой и ловить террористов. У меня не было больших физических кондиций, как у других, но из меня раньше вышел толк. Представь себе двадцать девять парней, которые могли сделать всё, чтобы добиться моего расположения. И я пользовалась этим, – тигрица развернулась к Хегли, остановив его, взглядевшись в его глаза, удивлённые услышанным, – научилась добиваться от парней всего, чего захочу.

– И чего же ты хочешь? – сказал Фланнаган, не отводя взгляда.

Импала чувствовал свою слабость, с каждой секундой всё больше и больше поддавался искушению. Прошрое, что двигало им, терялось в настоящем, и он стал забывать про свою цель в жизни, про своего врага, стоявшего слишком близко. Хегли, в собственном представлении, напоминал стоящего возле железной дороги бродягу, который пытался остановить движущийся на полном ходу локомотив.

– Хочу покататься с тобой на велосипеде.

– Я не умею, – признался Фланнаган и приподнял взгляд чуть выше ушек Мишель.

В детстве у Хегли не было велосипеда, он сам был сыном военного, который был фанатиком своей работы и считал, что каждый самец обязан держать в руке автомат. Самому Фланнагану не хотелось стрелять, убивать, жестокий образ был не по его вкусу, но со смертью отца произошло резкое изменение взглядов, парень встал на тропу насилия и мести.

Его семья осталась отстраивать оставшийся кусочек Пустыни; импале на тот момент было тринадцать лет и у него не было иного выбора. Тяжёлая жизнь, выше которой стояла лишь тяга к возмездию, желание отмщения через сколь угодно лет. Ещё подростком его приметил диверсант под позывным Молния-1, набиравший себе учеников; Фланнаган был слаб, но его целеустремлённость не могла сравниться с ничьей больше.

Он чувствовал себя обделённым, когда смотрел на ту страну, в которую позже переехал, но в его разум ворвалась мысль о равновесии мира – ему приходилось уничтожать себя на тренировках и вылазках, чтобы разрушить чужой мир, а кому-то, также разрываясь от нестерпимой нагрузки, – защищать. Противостояние Зоны Пустынь и Центрального Союза официально закончилось подписанием мирного договора, но потерявшие на полях войны родственников звери хотели продолжения войны, вели её на чужой территории.

– Я могу тебя научить, – без доли уныния сказала Мишель, проведя рукой по плечу задумавшегося парня.

– Я уже стар для учёбы.

– Зато тебя легче обучить. Я поведу, а ты почувствуешь удовольствие от езды. Договорились?

Устремив свой недовольный взор на зверя, сдававшего в аренду велосипеда, Хегли решил сделать всё молча, без проявления злобных качеств. Взяв красного дьявола на час, парень подкатил его к Мишель, светящейся от восторга.

– А ты сама умеешь на нём кататься?

– В академии на ранних стадиях учат балансировке и мне приходилось кататься даже на моноцикле. Не бойся, садись.

Хегли молча занял заднее место, придерживая велосипед ногами, упирившимися в плитку. Беспокойство управляло им, в голову стало подключаться всё больше дурных предчувствий, которые просили антилопу слезть с сидения. В определённый момент он подумал над хитрой уловкой, что тигрица могла совершить – отвести его в место, где будет стоять группа оперативников в полной боеготовности.

Заняв все доступные места, пара двинулась в путь. Фланнаган вцепился в раму перед собой, старался не двигать педали, чтобы не потерять равновесие. Только после нескольких десятков метров антилопа стал помогать девушке в движении, ускоряя велосипед медленными поворотами рычагов под ногами. Ему казалось, что тандем в любом случае рано или поздно окажется на земле. Езда была ровной, девушка чувствовала движение и старалась сглаживать углы, но каждый поворот руля заставлял сердце Хегли прыгать от испуга.

– Теперь отпускай руки! – крикнула она.

– Нет! – сразу же ответил парень, крепче сцепив ладони. – Мы грохнемся!

– Ниже земли не упадём!

Отпускать обе руки антилопа не стал. Одной он крепко вцепился в металлическую основу велосипеда, а другой, выставив в сторону, старался ухватиться за воздух. Мишель разогналась всё быстрее и быстрее – она получала несравненное удовольствие от обдувающего её мордочку ветра, от чувства скорости.

Управление тандемом входило в список сложнейших умений для каждого, кто садился за руль впервые. Для Ярвинен вождение двухместного велосипеда не вызывало сложностей, она с лёгкостью маневрировала рядом с проходимыми зверьми, успела рассмотреть каждый аттракцион и шатёр и поприветствовать проезжающих мимо других велосипедистов приветливым кивком. Задача Фланнагана была проще – держаться и крутить педали, но если первое ему удавалось с особым успехом, то разогнать велосипед ему не хотелось на уровне инстинкта самосохранения.

Он пытался отвлечься от движения и оглядеться. Темневший от наступления ночи парк пытался завлечь посетителей яркими огнями, которыми покрывалось практически всё. Растянутые через фонарные столбы и деревья гирлянды образовывали сеть над головами. Даже дорожная плитка переливалась всеми цветами спектра от висевших на фонарных столбах ночных проекторов.

Хегли впервые оказался в столь ярком и праздничном месте, его замороженный взгляд цеплялся за всё, мимо чего проезжал велосипед. Перед глазами проносились пятна и полосы от длинных гирлянд, на фоне которых была крошечная ночь.

Импала и не заметил, как отпустил руки, случайно доверясь мастерству Мишель. Тигрица ни на минуту не забывала про сидящего позади пассажира, старалась вести велосипед максимально аккуратно, без резких поворотов и торможений, но упустила растянувшуюся поперёк аллеи деревянную вывеску, которая никак не была освещена. И Фланнаган, проезжая под ней, ударился рогами и слетел с сидения велосипеда. Его падение на спину оказалось довольно болезненным, но он первым делом взялся за рога, проверяя их целостность.

– Ты в порядке? – спросила подъехавшая девушка у лежащего парня. Она оставила велосипед и торопливо присела рядом с антилопой. – Нужна помощь?

– А я говорил, что это дурная идея, – сказал, не двигаясь, Хегли. В его словах еле слышалась злость. Дорожная плитка, находившаяся в тени весь день, была холодной, усугубляла боль в спине, но импала не вставал.

– Зачем ты себе такие большие рога отрастил?

– Я не отращивал. Ну, то есть... – неожиданно начал выкручиваться импала, – они сами выросли.

– Ты что-то скрываешь от меня? – с подозрением спросила Мишель. В её словах не было ни капли обиды, что подтвердила лёгкая улыбка. – Это так нехорошо.

– Ну... лучше, чем убивать, – приподнимаясь с дорожки сказал парень. Он тщательно отряхнул пыль со своих брюк и рубашки, стараясь не упустить ни единой соринки.

– Давай не будем трогать мою работу. Давай лучше вообще про неё забудем и никогда не вспомним.

– Я не про...

– Всё, – тихо сказала Ярвинен, прикоснувшись пальцем к губам Хегли. – Мы забыли. Не надо смешивать личную жизнь с работой – поверь моему горькому опыту.

– Если честно, у меня есть определённые сомнения насчёт твоей работы.

– В каком смысле?

– Ты не похожа на... таких.

– Ты хочешь сказать, что каждый обер-прокурор должен быть размером со шкаф? – Мишель тронула тема, на которую перевёл разговор Хегли. Ему захотелось позлить тигрицу, чтобы она оторвалась от разгона отношений и чуть сбавила темп. – Может я ещё должна уметь руки откусывать и ноги отрывать?

– Нет. В тебе просто слишком много доброты.

– Сказал зверь, который знает меня двадцать четыре часа.

– То есть, ты злая?

– Я такого не говорила. Мне нравится быть доброй, но порой хочется побыть жёсткой и колючей. И раз уж ты сомневаешься в моих способностях, я тебе докажу, что Орден окончания Академии мне дали не за красивые глаза. Пойдём!

Ярвинен с силой схватила запястье антилопы, слегка впила острые когти в его плоть. Не став сопротивляться разбушевавшемуся хищнику, Хегли молча шёл за тигрицей, оказавшись под её властью. Ему стало беспокойно от начавшегося превосходства обер-прокурора. В кошмарах Фланнагана его вели на цепи с той же твёрдостью и беспощадностью.

Нелёгкая судьба привела их к ближайшему тир, который должен был стать свидетелем безупречной подготовки Мишель. Пока саблезубая тигрица пыталась найти подходящую купюру для расплаты с хозяином стрельбища, импала втихую заплатил за двоих и попытался облить водой разгоравшуюся злость девушки, но только усугубил неловкими словами своё положение.

– Если хотите выиграть главный приз, – начал объяснять правила стоящий за стойкой бобр, – вам нужно выбить все девять белых квадратиков. После я ставлю сигарету, и десятым выстрелом нужно попасть в неё.

– Это будет легко, – без промедления сказала Ярвинен и принялась заряжать пневматическую винтовку. – Тир – одна из самых лучших возможностей государства научить молодёжь полюбить стрельбу. Стрелков поощряют, ставят перед ними сложные задачи, чтобы они захотели держать оружие в руках чаще. Прекрасная схема.

Хозяин тира и Хегли испуганно переглянулись, поражённые мыслью тигрицы. Но если чужого зверя девушка удивляла разбросом внешнего вида и философии, то у диверсанта внутри дёрнулось сердце от глубины рассуждений своего врага.

Взяв в руки винтовку, Фланнаган осознал тонкость грани, на которой он стоял. Обычный официант, не служивший в армии, не мог стрелять на уровне обер-прокурора. Парень переложил винтовку под правую руку, с которой в последний раз стрелял не меньше пяти лет назад.

У Мишель уже было закрыто три белых квадрата, наибольший из которых был немногим больше спичечного коробка. Хегли переминал винтовку, стараясь прицелиться и хоть как-нибудь выстрелить.

– Подожди, у тебя неудобная стойка, – сказала ему девушка. – Давай помогу, – она опустила оружие и подошла к антилопе. – Стань чуть шире и слегка развернись. И закрывай левый глаз, а не правый. Перед выстрелом откроешь оба. Прислушайся к стуку сердца и стреляй под него.

Даже с подсказками и наставлениями Фланнаган старался выглядеть глупо с оружием в руках. Поняв, что легче научиться ходить по потолку, Ярвинен руками откорректировала стойку Хегли и, обхватив его со спины, прижавшись своим телом к телу парня, настроила прицел.

– Ну вот, видишь! – ободряюще сказала Мишель после попадания антилопы во вторую мишень.

– Да, только я в первую целился.

– Попробуй держать палец на курке только первой фалангой.

Девушка переключила внимание на свои цели. Ей было принципиально важно доказать импале своё мастерство, показать высокий профессионализм несмотря на половую принадлежность. И уже через минуту она смогла закрыть все квадраты без единого промаха, в то время как Хегли стрелял по медленно двигавшимся металлическим фигурам возле ширмы.

На линии огня появилась стоящая сигарета. Мишель основательно подготавливала выстрел, сосредотачивая свой взгляд в единой точке. Даже будучи уверенной в своих возможностях она боялась промаха, думала, что в самый ответственный момент главенствующую роль будет играть неудача.

– Я ошибался на твой счёт, – услышала она рядом от Хегли, внимательно наблюдавшего за её стрельбой. – Ты так выглядишь, будто тебя с подиума сняли, и я не поверил, что... А на самом деле ты мастер своего дела, я в этом уверен.

Ему было нелегко признавать свою неправоту, тем более перед врагом. Но он перешагнул через большинство своих принципов лишь для того, чтобы не увидеть переламывания сигареты пополам – осознание достойной силы противника выбило бы его из устойчивого психологического положения.

– Я не обижаюсь, – Мишель подняла дуло винтовки вверх и впустую использовала свою возможность деморализовать лучшего диверсанта «Грозы». Её довольный взгляд не сходил с Хегли, который стеснительно старался уберечься от него.

– Госпожа, вы выбили девять квадратов и получаете приз за свою меткость, – помог антилопе хозяин тира. – Выбирайте.

Они отошли к соседнему столу, на котором располагались качественные мягкие игрушки. Фланнаган, оглянувшись, убедившись, что его никто не видел, поднял дуло с удобной левой руки и истратил свой последний патрон впустую – пуля пролетела довольно далеко от цели.

Когда парень подошёл к Мишель, рассматривавшую мягкую жёлтую игрушку, он заметил, что маленькая дамская сумочка на цепочке, которую тигрица носила через плечо, была открыта. В темноте Фланнагану не удалось рассмотреть содержимое, но ему показалось, что сверху лежали небольшая книжонка и пистолет той же модели, что и у большинства диверсантов «Грозы».

– Это тебе! – с усмешкой сказала Ярвинен, протягивая выигранный ей приз перед собой. Хегли с возмущением посмотрел на девушку, считая, что она издевалась над ним за его косую стрельбу. – Я не шучу.

– Это как-то... неправильно, – сглотнув, ответил парень. – Меня оскорбляет твой подарок.

– Прости.

Ярвинен прижала плюшевое изделие к себе, ощущая приятную мягкость от прохладной ткани. По её реакции можно было сразу смекнуть – тигрице давно не приходилось довольствоваться мягкой игрушкой. Суровый отец колючей проволокой оградил свою дочь от обычного женского детства, внушил ей необходимость быть бойцом. Но Мишель не шёл боевой раскрас.

Антилопа смотрел на неё с явно восходящей злостью. Она ущемила его эго, которое стояло на принципах окаменелости и хладнокровия. Ему – самому разыскиваемому преступнику города – приходилось терпеть многое, но недооценки со стороны врага – никогда.

– Мне надо идти, – скромно сказала Мишель.

– Так рано?

– У меня работа не ограничивается дневным временем. Ночные смены никто не отменял.

– Я думал, что начальство обычно спит по ночам, пока простые смертные вкалывают.

– Ну я ведь хороший начальник и должна показывать подчинённым пример. Тем более, мне самой нравится проводить ночи на работе. Я так чувствую себя полезной и очень-очень важной.

– Тогда не смею тебя больше задерживать. Удачной работы, – с нарисованной улыбкой сказал Хегли.

– Скоро увидимся!

С каждым пройденным дальше от Хегли метром Ярвинен ускоряла темп, пока не села на велосипед, прижав игрушку между сидением и рулём, и полностью растворилась в ночи.

От Фланнагана несколько раз уходила цель всей его жизни. Ликвидировать обер-прокурора Доминиона чуть ли не самое грандиозное событие для диверсанта. Но приходилось терпеливо смотреть ей вслед. Даже с порывами злости импала выделял яркие стороны Мишель. Ему было с чем сравнить и от этого нагревалось всё тело, включая драгоценные рога.

Хегли заметил подошедшую особу, которая, остановившись на уровне его плеча, замерла, не произнеся ни единого звука. Со стороны веяло сильным запахом духов из экстракта полевых цветов. Этот аромат он мог узнать из тысячи других.

– Красивая девушка, – сказала Молния, скрестив руки у груди и монотонно повернув голову к своему парню. – С такой не стыдно сходить на свидание в какое-нибудь весёлое место. На твоё счастье я знаю, кто эта девушка, поэтому можешь голову передо мной не склонять.

– Кто тебе рассказал? – по-прежнему без движений спросил Хегли.

– Не ты – это прискорбно. Крутишь за моей спиной роман с хищницей, а я об этом узнаю от своего координатора. Экстернормом решил стать?

– Ты бы ещё громче кричала, чтобы весь парк слышал.

– Я всё ещё жду объяснений, – Молния настойчиво пыталась выжать из антилопы признание вины.

– Могу повторить в сотый раз – я не буду оправдываться. Даже перед тобой. Тем более перед тобой!

Проникнувшись чувствами ответа, девушка отвернулась в сторону, тихо приказала явиться в нужное место через полчаса и медленно удалилась. Она часто грубила Хегли, иногда с особым умыслом, но никогда не позволяла обращаться с ней также.

Фланнаган обернулся. Ему казалось, что с каждой встречей Молния отдалялась – сложность в их отношениях была очевидна для него с первых дней, словно никто в паре не чувствовал себя раскрепощённым и свободным, а, как и положено двум лучшим диверсантам, держали себя под замком, не давая ни единому лишнему слову вырваться наружу. Они знали друг о друге многое и не знали ничего. Пройдя через самые острые штыки в «Грозе», не раскрыли свои настоящие имена, общались лишь по позывным.

Все круги группировки воочию видели непонятный роман двух импал, к которому Хегли был прикован преданностью и лёгкой, несерьёзной влюблённостью. В девушке он видел пламя, азарт, которые заводили его, затягивали с головой. Но так было всего лишь на протяжении первых нескольких месяцев.

Их первая встреча, которая была два года назад, вызвала у Фланнагана восхищение. Он смотрел на неё сквозь сглаживающую линзу с розовым оттенком. Её утончённая фигура и нежные черты мордочки были для него важнее острого языка и дерзости. Его разум заплывал в светло-карих глазах и едва заметной улыбке, мутнел от игривой походки и строгой осанки. Она была для него воплощением красоты, что могла уместиться в сознании импалы. Но самым главным фактором была видовая принадлежность, которая в первые секунды определила интерес двух диверсантов друг к другу.

Очнувшись от рассуждений, Хегли вспомнил о своей цели. Путь до нужной точки казался ему самым мерзким, ведь приходилось спускаться в канализацию да ещё и через закрытую территорию, где на сторожевом посту сидел старый друг «Грозы».

Заброшенный завод, некогда выпускавший посуду, десятки раз переходил из рук в руки в поисках достойного хозяина, который смог бы найти применение сорока гектарам земли с целыми производственными постройками в пределах города. Но сторож был бессменен. Купрос ястребом нависал над каждым пытавшимся проникнуть на территорию неприятелем и свободно раскрывал ворота перед сородичем. Для этого его и держали.

Он стоял возле трёхметровых автоматических ворот и затейливо вертел головой по сторонам. За спиной висел его любимый обрез, который со дня покупки не вкушал порохового дыма. Купрос лишь иногда менял в нём патроны, чтобы хоть на те секунды почувствовать себя настоящим убийцей. Его не взяли в основу «Грозы», он не стал диверсантом лишь из-за двух горбов за спиной, и верблюда как никто другой понимал импала. У него была огромная копна волос на голове, которую Купрос частенько взерошивал на голове, чтобы выглядеть нестандартно. Ему хотелось быть опасным, он, как сам считал, был жадным до неоправданного насилия.

– Да это же сам, мать его, Гром! – негромко прохрипел охранник, увидев перед собой Фланнагана. – Давненько не видел тебя, друг.

– И я тебя тоже, дружище! – сказал Хегли, похлопав по плечу верблюда. – Мне пришлось больше месяца просто сидеть дома. Ждал, пока в медицинской лаборатории соберут всю ртуть.

– Да, слышан! – ответил Купрос, рассмеявшись. – Страшно было стеклянный шар с собой нести?

– Очень страшно. Я постоянно держал его перед собой. А когда нужно было кидать, наверное, минуты четыре целился и находил удобную позицию. Ну представь, если бы я промазал, то меня можно было сразу в ковёр закатывать и на кладбище везти.

– Зато сколько драгоценного времени пришлось губернатору потратить, чтобы найти новое место для исследования. Говорят, что у него уже наступила активная стадия.

– Ну и поделом ему. Он за свою жизнь столько страданий принёс простому народу, что даже онкология для него не является достойным наказанием. Хотя это всё-таки ужасно.

Купрос широко распахнул железную калитку, пропуская вперёд диверсанта, которого считал своим другом, которому рассказывал свои самые строжайшие секреты и с которым мог делиться всем накипевшим. Их разговоры были недолгими, но максимально продуктивными. Хегли не мог говорить с Хью о Молнии или проблемах «Грозы», но пара своих ушей всегда была на верблюде.

Они шли по затемненным ходам во дворе завода, не озираясь назад и не боясь быть услышанными. Разбитые кирпичи и расколотые плиты, поросшие сорняком, мешали удобной ходьбе, а жуткое эхо ветра, которое проносилось по открытому пространству, пугало антилопу внезапностью. Импала частенько поглядывал в небо, искрившееся от созвездий и скоплений, на уровне инстинктов чувствовал каждую преграду перед собой. Ему был известен каждый поворот на заводе, хотя ему ни разу не доводилось гулять по нему при свете дня.

– Что приказали делать сегодня? – спросил верблюд у задумавшегося друга.

– Прости, но я пока не могу тебе об этом рассказать. Ты же знаешь, это запрещено. Я могу тебе всё рассказать в мельчайших подробностях, но только после самой миссии.

– Ну хотя бы пару слов. Что тебе сказал Тень?

– Он в последнее время очень нервный. Разговаривать не хочет, ничего толком не объясняет, всё в каких-то тайнах. Не к добру это.

– А я всё вспоминаю слова Феникса, молюсь о погибших, – произнёс Купрос, положив руку на грудь и приподняв голову к небу. – Когда он всем пытался доказать, что Тень на самом деле женщина. Этот тигр вообще странным был, но ему хотелось верить.

– О Тени я ничего не знаю. Да я даже о Молнии ничего не знаю, а мы с ней... если это вообще можно назвать любовью.

– Кстати, – тяжело сказал верблюд, словно сложность в отношениях переживал не Хегли, а он, – Молния заходила сюда без тебя минут десять назад, расстроенная и злая.

– Я умоляю тебя, не надо о ней говорить. Самого уже тошнит от неё. Вот почему так бывает, а? Обёртка красивая и яркая, а сама конфета – никакая, блин. Всё, не будем о ней.

– Ну... знаешь. Есть ещё одна девица, о которой мы могли бы поговорить, но, вижу, ты не в настроении.

– Ты про Мишель, – утвердительно сказал Хегли, словно сам для себя подвёл черту. – Эта новость слишком быстро разлетелась по «Грозе».

– Как её зовут?

– Мишель Ярвинен – обер-прокурор Доминиона, которая после отставки Брауна будет заниматься нашей поимкой.

– Ну и как она тебе? Лучше Молнии?

В голосе Купроса чувствовалось волнение, напряжение. Он затрагивал чужую личную жизнь, но относился, как к личной проблеме. Это заставило Хегли насторожиться и вспомнить, когда верблюд вёл себя подобным образом в последний раз

– Если честно... – Фланнаган замолк на несколько секунд. Он шёл рядом с представителем «Грозы», ревностно относившемся к своей группировке – для него свои диверсанты были незаметнее, а координаторы – умнее. Но парню так хотелось утвердительно ответить, что слово «Да!» почти что вылетало из его уст. – Она слишком... У неё... Да, как девушка вполне себе неплоха. Но она враг, к ней нужно относиться также – не могу, хотя соблазн велик.

– А если Молния вдруг изменится к тебе в лучшую сторону?

– Скорее всю «Грозу» переловят, чем она хотя бы грубить перестанет.

– А ведь Альфу уже поймали. Феникс пропал. Они были из лучших. Ещё одной серьёзной потери «Гроза» не сможет перенести на плечах и придётся скидывать груз. Ты, конечно, грузом не станешь, но наше дело замёрзнет на несколько лет. Ты ведь не хочешь этого?

Купрос завёл Хегли за старую курилку, с которой от старости слетали кирпичи и был сорван шифер. За узким проходом был спрятан вход в канализацию, накрытый сверху огромных куском известняка. Через него можно было без труда пробраться в любое нужное место, но выйти этим же путём казалось невозможно, особенно Фланнагану, не имевшему возможность самостоятельно откинуть люк в сторону из-за громадного веса. Для этого снова пригуждался Купрос, который открывал проход для каждого, кто не мог справиться в одиночку.

Попутно воспринимая всерьёз одержимость верблюда к «Грозе», импала хотел быстрее скрыться от него, чтобы не оказаться под тяжестью контрольных вопросов, что охранник любил и умел задавать. Быть может, тем самым двугорбый пытался показать лучшему диверсанту свою пригодность к более опасной и сложной работе, чем сторожить вход в проход к точке. Он бредил желанием стать координатором и, казалось, был готов на всё ради достижения цели. Да, Купрос многое понимал в системе «Грозы» и её сильных сторонах, но тем он был уязвимее.

– Гром, – сказал верблюд, заставив диверсанта обернуться к нему, – пообещай, что ты не влюбишься в неё.

– В кого?

– В неё. В ту, кто вставляет нам палки в колёса. Пообещай!

– Обещаю, – без промедлений ответил Хегли и, сделав глубокий вдох, спрыгнул в люк. Он включил фонарик на телефоне, осветив себе место для тайной ходьбы, которое ненавидел больше всего в своей работе.

Неприятный запах канализации был невыносим, но не настолько как низкий потолок, в который антилопа упирался рогами. Приходилось идти с опущенной вниз головой, не видя

происходящего впереди, или практически в присядку. Оба варианта были крайне неудобными, но Хегли всегда терпел до точки, не позволяя никому кроме Молнии прикасаться к рогам.

Его раздражение нарастало не только от запаха и неудобной ходьбы, но и от самого присутствия под дорогой. Даже ступать по неширокому бетонному проходу было противно, а смотреть на него – ещё хуже. Фланнаган старался быстрее прийти на «Шестой», при этом не пропуская нужных поворотов и закоулков, которых на пути были десятки и десятки.

Недалеко появилась одинокая полоска света, заблудившаяся в густой темноте, и луч из замочной скважины. До «Шестого» оставалась пара шагов, но Хегли остановился перед дверью, вспомнив про Молнию за ней. Как не хотелось снова возвращаться к разговору, в котором сам импала чувствовал себя виноватым. Но пришлось преодолеть черту и зайти на территорию серьёзного разговора.

Молния стояла перед старым столом, с которого ещё несколько лет назад слез последний кусочек лакированного покрытия. Стены из красного кирпича и мутное освещение добавляли ей строгости. Она разглядывала «Критерий», определяющий значимость и превосходство одного отдельно взятого диверсанта. К стене родной точки были приклеены вырезанные из престижных газет статьи о диверсиях или оценки значения. Количество статей – престиж.

Самое странное, что каждое прозвище диверсантов было дано журналистами. Хегли не придумал себе позывной Гром – ему его вручили в самой главной политической газете за неожиданное убийство министра внутренних дел. «Как гром среди ясного неба» – гласили первые страницы газет. Светилась в СМИ не только манера убийства, которой отличился каждый служащий «Грозы», но и костюмы, нередко попадавшие в объективы камер. Костюм Грома был самым технически сложным и новым для общественности, из-за чего заговорили о новом диверсанте. А снаряжение, например, Молнии до неё было ещё на трёх диверсантах, погибших при выполнении заданий от ранений или ушедших на покой в связи с проблемами со здоровьем. Девушка была четвёртой в ряду надевавших тот костюм, но даже целая группа опытных бойцов не обошла незаметного Грома, построившего себе самую зловещую репутацию за три года.

Обернувшись к Хегли, Молния упёрлась бёдрами в стол и скрестила руки у груди. Неловкое молчание могла прервать только она, но не хотела, ждала его поддавки.

– Почему ты молчишь? – всё же начала девушка.

– Что мне тебе сказать?

– Скажи, что у нас всё хорошо.

– Я не могу такого сказать.

Молния медленными шагами подошла к Фланнагану, отчётливо делая каждый шаг и при этом смотря на пол. Она повесила руки на шею недоумевавшего парня. Её взгляд редко был ласковым, но в тот момент глаза девушки действительно наполнились нежностью и сожалением.

– Извини меня, – сказала Молния и окончательно поставила своего парня в тупик. – Мне не хочется быть с тобой злокой, но иногда настроение бывает паршивое и я почему-то срываюсь на тебе.

– Наверное, – сказал импала, выйдя из режима ожидания, – потому что я самый близкий тебе зверь.

– Очевидно. Так ты простишь меня?

– Разумеется. Если ты объяснишь мне, чем я тебе не угодил сегодня.

– Просто... Я узнала, что ты встречался с той тигрицей и она к тебе клинья подбивала, а меня это взбесило. Ты ведь голодным сидишь.

– Тогда это твоя вина, – Хегли приобнял Молнию за талию и наклонился чуть ближе. – Но ты можешь её искупить.

Снова не став дожидаться от парня первого шага, девушка притянула его к себе за голову и начала нежный и долгий поцелуй. Незаметно для себя Фланнаган прижал её сильнее, словно не давал освободиться от чарующего плена. Но она и не хотела отрываться от своего возлюбленного. Они редко ощущали чувство лёгкости и окрылённости друг с другом, поэтому поцелуй манил их с невероятной силой.

Темп не нарастал до тех пор, пока Молния в порыве не стала поглаживать спину Хегли, но тот будто боялся сделать слишком резкий поворот, отдавая предпочтение торопливости девушки.

– Ты сегодня... какой-то пассивный... – пытаюсь отдышаться, сказала антилопа и ненадолго продолжила поцелуй.

– У нас задание.

Задание для каждого диверсанта – больше, чем ответственность. Невозможно не чувствовать даже сквозь расстояние тот дух возложенных надежд. Особенно, когда всю «Грозу» частенько обрабатывали вербовщики, выпытывавшие и искоренявшие заговоры и диссиденцию. Сложно жить, когда часто в ушах звучат слова о необходимости жестоких мер и о миллионах осиротевших жителей Пустыни.

Костюм Хегли никогда не надевал без посторонней помощи, поскольку конструкция, состоящая из пары десятков деталей и нюансов, не поддавалась только двум рукам. Самым первым делом, с чего, как считал Фланнаган, начиналась его ночная жизнь, было снятие рогов. Ему в кошмарах снились те минуты, испытанные им несколько лет назад, когда перед ним с опаской стоял зверь с лобзиком, когда половина «Грозы» держала его, боясь неловких движений, когда он лишился атрибута каждого самца антилопы – рогов. По ощущениям с отпиливанием могло сравниться только удаление нерва из зуба без анестезии, только крови вышло гораздо больше. Но Хегли держался молодцом. Зато рога служили укромным убежищем для свёрнутого в трубочку контракта с «Грозой».

Вместо рогов у него были безжизненные отростки с пазами, на которые прикручивались сами рога. Мера была необходимой, ведь его отличительная черта могла с лёгкостью навести след. Поэтому, например, Купроса не взяли в основу, а Альфе собирались отрубить хвост, что, наверняка, могло вызвать больше подозрений. Зона Пустынь был дороже изуродованного тела.

– Ты без рогов похож на меня, – усмехнулась над возлюбленным Молния, пряча рога под замок в ящик стола.

– Я без рогов похож на Грома.

– А с рогами?

– А с рогами я похож на себя повседневного.

Хегли всегда тщательно подбирал слова перед тем как сказать, что крайне не устраивало Молнию, всячески старавшуюся узнать имя парня. Но своё имя она не хотела говорить.

Наступила самая сложная стадия при надевании костюма. Было необходимо закрепить на теле Фланнагана пластиковый корпус, в котором импала казался гораздо шире и крепче, и сверху натянуть тонкую синтетическую футболку, из которой антилопа мог вылезти через рукав; поверх надевалась резиновая куртка с множеством карманом и фиолетовым крестом на спине и широкий ремень на поясе.

В костюме была душно, постоянно что-то чесалось, но в нём можно чувствовать себя инкогнито, а пластик даже мог смягчить ранение от выстрела в крайнем случае.

Оставались последние штрихи и, из основного, вещь, которую антилопа предлагал размещать перед входом в канализацию. Старый сапёрный противогаз, служащий исключительно для закрывания головы, был перекрашен в тёмно-фиолетовый цвет, а на затылке выкрашена чёрно-белая звезда. Стекло сам Хегли менял на выдавленные линзы солнцезащитных очков с зеркальным эффектом.

Для окончания переодевания посторонняя помощь не требовалась, поэтому Молния, встав спиной к Фланнагану, стала постепенно снимать с себя одежду и надевать пиксельный костюм снайпера времён войны с тёмными полосами на рукавах, поверх которого надевала закрытый лошадиный мотоциклетный шлем чёрного цвета. Хегли нацепил на ноги кроссовки, на руки – перчатки, из нижнего ящика стола взял пистолет и один запасной магазин.

Молния – по древней женской традиции – переодевалась очень медленно, словно нарочно стараясь показать парню красоту своего тела. Иногда поворачивая голову в сторону, она следила за Громом, хотела, чтобы он не сводил с неё глаз.

О поимке Альфы она узнала практически раньше самого пойманного. У них было совместное задание, в котором девушка прикрывала спину брату по оружию, но группа Ярвинен незаметно успела окружить идущего впереди парня. Молния не могла позволить оперативникам забрать четвёртого по рейтингу диверсанта «Грозы», но в одиночку не смогла бы ничего сделать, находясь в здании со снайперской винтовкой в руках против по меньшей мере шести громил с автоматами и дробовиками. В перестрелке могли погибнуть оба диверсанта, что было крайне нежелательно.

Тогда-то она и увидела Мишель, ничуть не уступающую ей в профессионализме и, что немаловажно, в красоте. Её лицо и голову в целом ничто не закрывало, на ней был обтягивающий чёрный комбинезон с разноцветными тонкими полосами, направленными в одном и том же направлении, и высокие – почти до колен – сапоги. Из оружия у неё не было ровным счётом ничего.

Разумеется, после заявления Тени – координатора Хегли – Молния пришла в крайнее негодование, посчитав, что Гром поведётся на открытость и привлекательную внешность Ярвинен. Она могла ошибаться, а могла и нет. Но, возможно, отношения обер-прокурора и диверсанта были бы ей на руку.

– Ты готов? – спросила она перед надеванием шлема, получив в ответ лёгкий кивок.

Ходы в канализации представляли собой не только затемнённый лабиринт, но и безопасную дорогу к любой точке города. Для этого была специально украдена карта канализации, без которой в подземелье можно было только потеряться или сойти с ума.

Местом выполнения задания был элитный микрорайон в центре города, где располагалась знать разных уровней, включая мелких чиновников и подчинённых влияния Доминиона. Уже на месте Молния посвятила Грома с целью задания и планом.

Вглядываться в здания было некогда, но осторожный взгляд диверсантов так или иначе успел обежать каждый из домов, величаво возросших из бетона. В темноте нельзя было разглядеть ничего кроме ярких окон, которых можно было насчитать сотни, и освещение на парковочных местах. Стояли самые дорогие автомобили, не только купленные с местных заводов, но и привезённые с Островов и даже из-за океана.

Ограждённый высоким забором двор вновь вызвал у Грома восхищение – вдоль дома была построена небольшая аллея, по бокам которой стояли алебастровые фигуры и росли мелкие кустарники, стриженные под различные формы. Недалеко шумел маленький округлый фонтанчик, где ради развлечения плавали пластиковые птички, а чуть дальше над дорогой нависла невысокая арка, до верха которой можно было дотянуться рукой, с названием комплекса. И в ночи, когда всё освещалось поставленными на газон фонарями с солнечными батареями, всё выглядело ещё привлекательней.

Пробраться в такое место было архисложно, но работа диверсанта включала в себя разбиение невозможных преград. Тем более, когда с подобным приходилось сталкиваться ранее. В этом же микрорайоне. Нужно было всего-навсего войти в подвальное помещение с улицы и выйти из него в подъезде.

Висевшие по периметру камеры могли усложнить выполнение миссии, что побудило Грома использовать варварский подход к их устранению – он хорошенько разбежался, стараясь

не подходить близко к свету, и в прыжке с болтами срывал мешавшие электронные глаза. Когда возможность оказаться увиденным стала нереальна, диверсант прислонил к дверному замку дуло пистолета и одним выстрелом обеспечил себе и своей напарнице проход дальше.

Оказавшись внутри дома, Молния жестом показала напарнику цифру три, означавшую номер квартиры, в которой жил бывший обер-прокурор Доминиона Браун, отстранённый от дела с «Грозой» из-за низкой эффективности своей работы. Его группа насчитывала более двадцати бойцов, но не могла отыскать и схватить хотя бы одного диверсанта; им удавалось лишь подстреливать – даже не убивать – врагов, которые, приложив усилия, скрывались в темноте и не возвращались.

У огромного медведя был колоссальный опыт ведения скрытных войн, мало кто мог сравниться с ним в управлении кадрами. Ему порой не хватало только капли везения, крохотной доли которая позволила бы его рейтингу резко подняться, но он всякий раз терпел обиднейшее поражение. При этом тягаться с Брауном было невыносимо сложно – профессиональное чутьё позволяло медведю предвидеть будущие шаги «Грозы» и разбивать мечты запрещённой группировки о господстве в городе. Только операции, находившиеся на краю абсурда, не были предугаданы им.

За долгие пять лет работы все привыкли видеть его скованным в рабочих действиях, но от него можно было ожидать стабильности.

Путь лежал через коморку консьержа, вышедшего во двор после сигнала поломки камеры видеонаблюдения. У него в распоряжении был небольшой телевизор, который работал почти без устали, даже когда его никто не смотрел. Консьерж в доме был скорее признаком богатства, чем реальной необходимостью – в доме, где жили только культурные и образованные звери, не приходилось следить за порядком, а большинство сил было направлено за создание уюта и комфорта.

И вот перед диверсантами оказалась металлическая дверь с позолоченной цифрой 3. Над дверью висела камера, но устранять её никто не стал, решив воспользоваться скоростью проникновения в квартиру. Гром был бессилён перед дверью с тройным замком, и на помощь пришла Молния. Она – неожиданно даже для стоявшего рядом собрата – достала из внутреннего кармана связку из трёх ключей. Жестами девушка приказала парню следить за обстановкой, а сама принялась медленно и тихо открывать каждый из замков. Сгоравшему от любопытства Грому хотелось спросить, каким образом напарнице удалось раздобыть ключи, но он знал, что та ответит ему язвительной репликой, говоря о своём превосходстве над лидером «Критерия».

Открыв входную дверь, диверсанты прошли внутрь квартиры, держа оружие перед собой.

Браун сидел в широком бархатном кресле с бокалом дорогущего вина и оглядывал зал квартиры. Поглядеть действительно было на что: длинная софа с изогнутой спинкой, сделанная на заказ из красного дерева, обшитого тем же бархатом, шкаф-стена, за стеклом которого хранились изящные бронзовые фигурки женщин разных видов с обнажёнными телами и коллекционные бокалы из хрустала для вина; натяжной потолок бежевого цвета с широкой люстрой стиля Ар-Деко, на полу растянулся круглый шёлковый ковёр с узором в виде скрученной в дугу чёрной не раскрывшейся полностью розы, на широкой стене повисли репродукции редких картин, окна прикрывала тюль из нежного гобелена с золотистым орнаментом, а изюминку интерьеру дарили стоящие по углам залы небольшие столики, державшие на себе керамические вазы и кувшины из обожжённой глины, которые, скорее всего, привезли из Пустыни. Единственным недоразумением в комнате был сам хозяин, сидящий в помятой белой рубашке с половиной расстёгнутых пуговиц и с заплывшими от алкоголя глазами.

Над диваном висели перекрещенные старый мушкет с серебряным стволом и кованая шпага, покрытые пылью, а под ним лежала колода игральных карт. У кресла, на котором сидел

Браун, были рассыпаны осколки испачканного вином бокала, на подлокотнике стояла тарелка с сыром и плитками молочного шоколада.

Тело бурого медведя не дрогнуло, оставалось каменным даже когда из двух проходов в залу выдвинулись вражеские диверсанты, один из которых наставил винтовку, а второй – стремительно закрыл окна, в которые можно было заглянуть с улицы. Браун лишь стремительно пробежался глазами по пронёсшемуся в полуметре Грому и застыл при виде Молнии.

– Добрый вечер! – сказал медведь запавшим языком. Он разом осушил бокал и поставил его на журнальный столик, под которым лежало минимум пять опустошённых бутылок вина. – А я тут праздную своё увольнение!

Гром твёрдо встал напротив Брауна, скрестил руки у груди. Стойка повелителя не произвела на охмелённого зверя колкого эффекта. Диверсант поднял вверх указательный и средний пальцы.

– Ну да, две недели праздную! – уже прокричал он. – А что мне делать? Я одиннадцать лет жизни потратил на... вас, и не на вас, – Браун словно выдавливал из себя слова – ему хотелось отрезать кусочек своего горя и дать его кому-нибудь. – У меня даже жены нет, потому что пахал на работе днём и ночью. А что мне это дало? Меня пнули оттуда под хвост. И-и постав... Добротная девка. А я теперь безработный!

Смысл слов медведя терялся с каждой фразой. Он старался ухватиться за мысль, но, соприкоснувшись с ней, сразу же тянул руки ко второй и третьей. В монологе заплутал и Гром.

– Видели её? – Браун откинул голову назад и поднял с пола бутылку. – Я бы такой показал медвежью силу. Она бы у меня на весь дом стонала...

Оценка бывшего обер-прокурора не понравилась стоящему рядом диверсанту. Мысленно его нога чесала за ухом медведя, но он чувствовал раскалённый взгляд Молнии на своей спине. Вряд ли девушка одобрила бы защиту чести Ярвинен.

– Короче, какого хрена вы сюда вообще припёрлись? Я настолько пьяный, что мне даже неинтересно, как именно вы оба это сделали. Просто берите всё, что хотите, и проваливайте отсюда. Только фигурки мои не забирайте, а то это последнее, что у меня осталось для вдохновения.

Возмущённо качнув головой по сторонам, Гром показал своё недовольство темами, которые затронул Браун. Он понимал, что медведю не хватило бы трезвости попытаться заговорить врага, но распушенный язык, которому нужно было размяться после долгого молчания, продолжал сдавливать терпеливость диверсанта.

– А ты знаешь, что общего у зебры и арбуза? Снаружи полосатые, а внутри красные и с косточками! Понял, да? – шутка, вызвавшая у Брауна истеричный приступ смеха, не произвела на его врагов впечатления, скорее, вызвала непонимание. Гром пригрозил ему пистолетом, медведь сразу же перестал смеяться и вновь сделал расслабленное и неуважительное лицо. – Вы, наверное, пришли спросить у меня про новую группу Доминиона? И что мне про них рассказать? Шестеро мастеров, которыми руководит дочка члена Верховного Совета и инспектор со столицы – мерзкий такой тип, строит из себя элиту. А до этого вся их шарашкина контора работали в другом городе, прере... ребер... завалили притон террористов! Больше я ничего знаю, отстаньте от меня.

– Документы, – заговорил Гром.

– Да какие документы, если я там не работаю!?

– Документы! – не унимался диверсант. Молния подошла к нему, встала рядом, чтобы Браун не забыл об угрозе обнаружить в своём теле лишнее отверстие, а, судя по мощности винтовки, оно было бы широким и сквозным. – Адреса! Номера! Любые данные! – Грому надоело наблюдать за оперой пьяного медведя, он требовал развязки. – Или ты хочешь сказать, что не собираешься отвоевать себе работу?

Жёсткость парня удивила даже стоящую рядом Молнию. Обычно Гром молча и без лишних действий выполнял своё задание, никогда не разговаривал с врагом, сторонясь узнавания по голосу. Пистолет покидал кобуру только при необходимости стрельбы. Но в этот вечер он переступил через половину своих принципов.

Пытаясь придумать хитрый план побега и при этом не отдать врагу бумаги, Браун растягивал время. Медведю было дозволено долго сидеть без движений и обдумывать.

– В сейфе, в моей спальней, – прорычал он. – Пароль 3090. Если будете брать деньги, то оставьте мне пару сотен опохмелиться завтра.

Движением головы Гром отправил Молнию к сейфу, а сам сделал пару вольных шагов в сторону шкафов со статуэтками. Краем глаза он старался найти фигурку импалы, но среди торжества хищников вообще не было травоядных. Кстати говоря, и медведицы в обилии других видов не было. Диверсант заметил, что самой затёртой статуэткой была волчица с пышной грудью, на которой виднелись жёлтые потёртости, прорывающиеся сквозь бронзовую оболочку. Гром покосился на медведя и ухмыльнулся.

До Брауна наконец дошла разумная мысль, которой он решил воспользоваться сполна. В окно полетела бутылка – силы медведя хватило, чтобы разбить пластиковый слой. Шум привёл Грома в чувство сосредоточенности, которое иногда испарялось от недостатка концентрации, а обер-прокурор поднялся с дивана и, качаясь, набросился на врага. В рукопашном бою у диверсанта не было шансов, но пистолет в руке уравнивал их возможности.

Задание достигло своего края, когда Грому пришлось использовать оружие. Глушитель обеззвучил выстрел, но менее больно от этого не стало. Браун с грохотом свалился на пол, перед падением ухватившись за простреленный бок и разведя руки уже вниз. От такого вида и осознания содеянного диверсанту становилось не по себе, голова расходилась в обморочном вальсе, а перед глазами белело. Его ноги подкашивались, но он старался устоять перед павшим врагом, пытался настроить себя на несгибаемость духа. Облегчение не сразу брало контроль над совестью Грома.

Оказавшаяся в зале Молния подхватила его, стараясь удержать и расслабить. Ей самой было неприятно находиться рядом, но она знала, что парню всегда приходилось тяжелее. Он казался чёрствым и безэмоциональным, но в моменты слабости чувства выходили из него, как накопившаяся в недрах земли магма из вулкана.

– Всё хорошо! Ты так реагируешь, будто в первый раз! – доносилось из-под шлема. – Он нас специально разделил и обманул, поэтому так получилось – там сейф не с цифровым кодом, а под ключ. Успокойся.

Гром выдохнул, взял себя в руки. В его работе случались моменты и хуже, которые он пережил более спокойно, но на сей раз словно накопело в душе парня и ему было экстренно необходимо дать волю эмоциям. Даже со слезившимися глазами диверсант сдёрнул ключ с браслета медведя, Молния довела его до сейфа.

Дрожь и темнота были против того, чтобы парень забрал документы. Помогла девушка, нежно схватившая его ладонь – они вместе заняли пространство скважины ключом и получили полный доступ к любой информации врагов за последние несколько лет. Гром запихивал бумагу во внутренние карманы куртки, пока Молния проверяла каждый уголок в сейфе.

Захлопнулась входная дверь в квартиру, и диверсанты приготовились к худшему. Боевая стойка, отрепетированная ими, состояла из положения сидя у Грома и лёжа – у Молнии. Они наставили оружие на дверь. В ожидании бешено заколотились сердца, стук был слышен глубоко в голове и отдавался тяжёлым метрономом.

Гром открыл дверь и бережно заглянул в коридор, где чужое присутствие абсолютно не чувствовалось. Вошедшие могли пройти через другую сторону квартиры в зал, что побудило диверсанта обойти хитрого врага. Молния осталась держать входную дверь в квартиру, хотя от волнения дуло ходило по всей стене.

На полу в зале не было Брауна – от него остались лишь небольшое пятно крови на ковре и пара капель у второго входа. До сих пор мучаясь от угрызения совести, Гром восполнился злостью, которую хотел испустить на обманувшего его медведя, но вместо этого выбежал в коридор и, подхватив Молнию, подбежал к входной двери. Девушка старалась выбить от парня хотя бы слово, но он молча и напряжённо взламывал дверь.

На лестничной площадке пустота казалась более подавляющей, чем до этого, из-за небольшой дорожки крови, которую, вероятно, сделал Браун, оттряхнув испачканную ладонь.

– Что ты делаешь? – злобно прошипела Молния и стукнула кулаком в плечо Грому. – Что происходит?

– Он сбежал.

– Кто? Браун?

– С пробитым боком он далеко не убежит. Его нужно незаметно догнать и... – Гром пальцем провёл поперёк своей шеи, вытянув подбородок вверх. – По тревоге мы и квартала незаметно не пробежим. Ладно, меньше разговоров.

Ситуация приобретала беспокойный характер. Грубые секунды сгорали в понимании приближающейся угрозы, отчего кровь вскипела даже у наиспокойнейшего Грома. Даже при первой встрече с Ярвиенен у него выделилось меньше бодрящего адреналина, чем в те минуты. Не находила себе место и Молния, у которой было невероятное чутьё на опасность, словно её женская интуиция имела уникальные экстрасенсорные способности.

Гром достал клинок из ножен и, отбросив мешающий скорости выполнения задания инстинкт самосохранения, пошёл к вахте. Ему хотелось увидеть там не только консьержа, но и сбежавшего Брауна. Да, в таком случае чрезвычайное положение было аксиомой, зато не пришлось бы бегать по огромному городу в поисках медведя, коих можно было насчитать тысячи в пределах города.

Резко открыв утяжелённую дверь в подъезд, внутри оказались сразу несколько зверей с оружием в руках, с полной амуницией на телах и с прокурорскими чёрными лентами, завязанными на груди. Они не заметили отпрыгнувшего в сторону Грома, но старались оглядываться тщательней, даже летящая по воздуху пылинка не могла ускользнуть от бдительных взглядов. Один из прокуроров мигом предъявил консьержу документы через окошко и жестом попросил не произносить ни единого звука.

Это был тот самый пик опасности, о котором Молния боялась сказать Грому. Она знала уверенность своего парня и думала, что от её обеспокоенности он занервничает, но не переживает.

Диверсант стоял у двери в чужую квартиру, спрятавшись за неширокой стеной у дверной коробки. Ему ничего не удавалось разглядеть за то мгновение, на которое он пытался оторвать наклонённую голову в противогазе, и оценить ситуацию. Гром перебежал на сторону к Молнии и, схватив девушку за руку, потащил наверх.

– Не дёргайся, – тихо сказал он, – у входа группа. Бежим наверх.

Оба подданных Пустыни ринулись к верхним этажам. Поначалу казалось, что им чудом удалось ускользнуть прямо из-под носа сразу нескольких служащих Доминиона, но, услышав крики с требованием остановиться, они развеяли свои надежды в воздухе.

Спасением и одновременно риском был лифт. Он открытый завис на втором этаже, в него можно было шмыгнуть и спрятаться от взбесившейся группы – Гром не стал бросать жребий, остановившись на кремниевом варианте. Передвижную коробку диверсант отправил на четвёртый уровень дома, а сам криками умолял Молнию делать движения резче и быстрее. Побег вверх по ступеням нагружал каждого участвовавшего в нём, но никто не предпочёл сбавить темп и остепениться.

На четвёртом этаже, когда двери постепенно закрывались с находившимся внутри жителем дома, диверсанты забежали в лифт и Гром стремительно нажал на самое крупное число на

таблоиде. Молния от отравляющего напряжения откинула голову к стене, её парень, развернувшись к зеркалу, деловито поправил противогаз и жестом попросил тишины у зверя, который упал на колени, сжал ладони у груди и, трясаясь от страха, молил о пощаде. По его щекам потекли слёзы, увидевшие темноту глаза впивались взглядом в Грома в поисках хоть капли сострадания.

Лифт остановился от перебоя напряжения. Троица к тому времени была на предпоследнем этаже, и преимущество над группой оперативников было очевидным и даже комфортным. Молния незамедлительно принялась бить прикладом по дверцам лифта, а Гром пытался их разъединить. Сцепленные в плотную стену дверцы лифта не поддавались усилиям одного диверсанта, но над силой двух отступили. Промежуток был небольшим, зато в него могли протиснуться все застрявшие, включая случайного заложника. Благом была остановка лифта практически вровень полу.

Диверсанты выбежали к входу над крышей и снова слышали грубые и злые возгласы снизу. Выбив замок, они оказались на крыше одной из самых высоких многоэтажек города. Стоящая посередине антенна иногда цепляла проплывавшие низко перистые облака. Даже шум потока машин не был слышен на такой высоте, лишь ветер беспощадно пытался сдуть каждый лишний элемент с крыши и задувал уши забредших наверх зверей.

Путь к отступлению, как поворот головы назад, но у диверсантов не было времени и на это. Молния легла у входа, приготовившись огнём и свинцом защитить свою жизнь, пока запаниковавший Гром старался найти ту невидимую нить, по которой можно было спуститься на землю.

– Что нам делать, Гром!? – кричала, чуть не плача, Молния. – Я не хочу умирать!

– Встань! – сказал ей в ответ парень. Он с силой закрыл дверь и просунул в отверстие для замка свой клинок. – Нам остаётся только прыгать!

– Куда прыгать?

– Туда! – Гром указал на нужное направление рукой и подтолкнул девушку. – Там ближе всего и ветер не мешает!

– Ты с ума сошёл!? Я не буду прыгать, мне страшно!

– А на пытках висеть не страшно?

Молния, подойдя к месту, где бетонное основание резко уходило в стометровый обрыв, осторожно заглянула вниз. У здания собирались полчища полицейских, огни автомобилей которых надоедали глазам. Она, собрав внутри неистовую выдержку и смелость, оттолкнулась от твёрдой опоры и рассекла воздух своим прыжком. Пара секунд, и девушка оказалась на крыше соседнего дома, находившегося совсем рядом.

Её парню было тяжелее справиться со страхом и дрожью. Он боялся не высоты, а неаккуратного движения, сантиметра, которого могло не хватить для перелёта шести метров. Сердце прижалось к рёбрам, а голова вместо сознания уловила помехи, мешающие одному прыжку. В чувство его привели ломавшие дверь оперативники.

Гром сделал небольшой разбег и с силой оттолкнулся от державшего его бетона. Подгонявший ветер словно обволакивал парня в холодную пелену. Мигавшие внизу огни стали переливаться медленней, подбадривающие крики Молнии стали растянутей – весь мир, казалось, пытался остановиться во время прыжка.

Приземление получилось грубоватым и болезненным, но таких предстояло сделать ещё уйму, поэтому Гром, пошатываясь, приподнявшись на ноги, сразу побежал к следующему краю. Молния неистово стояла у края; она скинула с плеча винтовку и с нетерпением прицелилась в темноту, откуда, как ей казалось, должен был выбежать оперативник.

– Нам нужно бежать! Хватит стоять и пялить в темноту! – прокричал парень. Он торопливо, сжимая сердце в плотном кулаке, подошёл к девушке. Ему хотелось жёстко схватить её руку и потянуть за собой, но, как только его ладонь потянуть за локтем, Молния выстрелила.

Гром не видел и крыши соседнего дома, казалось, будто девушка просто играла на нервах своего парня. – Ну и зачем? Что тебе это дало?

Вопрос остался без ответа. Растерзанное в прах спокойствие диверсантов оценивалось в разных единицах. У них были несовместимые представления о тонкостях работы в «Грозе», и если Молния видела успех в уменьшении численности врага, то для Грома было важнее увеличение своего штаба. Шкуру оперативника на стене не увидишь без своей шкуры – парень это понимал и его взбесило непонимание девушки.

Они побежали по разным сторонам, противоположным, перепрыгивая солидные ямы между верхушками зданий и оббегая лишние пристройки на крыше. Мутная занавешенная луна и лучика не послала нуждающемуся беглецу, свет гас перед его резким взором. Яркие полосы привели к стеклянной стене оранжереи, в которой горел свет. Гром не мог бежать вслепую и на единственном чувстве перепрыгивать барьеры.

Ему удалось пролезть в открытое окно и спрыгнуть вниз. Вид взрыхлённой и плодоносной земли, запах которой позволял почувствовать мир и безмятежность, манил к себе. Оранжерея, как весенний одуванчик, украшала скучный кусок бетона, в ней разрастались нежный лилейник и бархатный розарий, окружённые маленькими гиацинтами и лютиками. Южную стену закрыл собой неожиданно взявшийся в источнике ярких растений мрачный девичий виноград, повязанный цветными лентами.

Гром прошёл по узкой дорожке между участками грунта в сторону высокой металлической двери. Приятный аромат находил путь через противогаз и позволял грубому диверсанту размякнуть и расслабиться. Его останавливал картинный вид цветов, которые не имели изъянов, даже засохший лепесток не выглядел из бутона. Заворожённый взгляд не мог оторваться от цветов, не смотря на уровень опасности и жары.

Основателем красоты была сидящая в дальнем углу лисица в джинсовом комбинезоне и типичной шляпе с наклеенной пчелой из пластика. Она ласково пересаживала рассаду из горшков в землю, делая аккуратные движения, стараясь не повредить ростки. Ей пришлось прерваться от занятия, когда в метре оказался Гром с наведённым на неё взором. Лисица попятилась назад, на пустующую землю, сбив лейку и разлив воду на рыхлую землю, которая как губка впитала в себя влагу.

Диверсант протянул ей руку, пытаясь помочь приподняться, но девушка не хотела делать поспешных выводов и решений, однако что-то внутри, спрятанное под чертогами страха, подсказало ей принять помощь. Приподняв её, диверсант провёл руками по всей оранжерее и поднял большие пальцы вверх. Его беззвучный комплимент выглядел мило для лисицы, боязнь быть убитой или украденной, или замученной испарялась от жаркого впечатления, в котором дикий и кровожадный диверсант оказался галантным парнем. Она боязливо поблагодарила Грома за приятный жест и он, вернувшись в свой серый быт, поспешно вышел из оранжереи.

В доме не было ни оперативников, ни, казалось, вести об угрозе. Консьерж читал газету в своей каморке, не заметил пробежавшего мимо него диверсанта. Грома насторожил подъезд, который в абсолютности повторял место жительства Брауна: такой же лифт, та же покраска стен, те же двери. Но притормаживать не стал, вылетев из дома быстрее пули, пущенной им сегодня в медведя.

На улице присутствие врага не сказывалось абсолютно, поэтому Гром принял единственное правильное для себя решение – бежать без оглядки в тёмное место и прятаться. Бежать на улице под покровом тёмной ночи пришлось недолго – ближайший тоннель приютил в себе диверсанта и спрятал его за мусорными баками и пустыми отсыревшими коробками. Парень стянул с себя куртку, вывернул её наизнанку и швами вверх нацепил на тело. Противогаз пошёл за пазуху вместе с документами Брауна. Миру вновь явился тихий Хегли.

Он мог не беспокоиться за свою скрытность, хотя не хотел показываться на публике без символа настоящего самца импалы и решил придерживаться покрытых чернотой закоулков

и дворов. До точки было далеко идти, поэтому Фланнаган решил сразу отправиться домой и потом решить с координатором проблему передачи костюма – антилопа ведь не мог выйти в облики Грома из собственного дома.

Уже в родной квартире Хегли не находил себе место. Его волнение за Молнию, которая, как ему показалось, была слишком преисполнена желанием выделиться, могла и не добраться до точки или безопасного места. Импала и не подозревал в ней кипящее стремление быть первой в «Грозе», а это было действительно так. Девушка не хотела принимать своего парня как лучшего из лучших – ей хотелось занять эту позицию и доказать всем, что хрупкая девушка может стоять выше всех мужчин. Её феминистские настроения могли не понравиться Хегли, из-за чего она решила умолчать. Тот же видел только одну необъятную стену нелюбезности, которая загораживала целый лабиринт недостатков Молнии.

Прятать костюм было весело. Только от кого? Фланнаган предусмотрел возможность прихода третьего лица с самыми разными намереньями. Тайников было множество, но они больше подходили для денег или драгоценностей. В самый разгар прятков, когда Хегли подобрал идеальное место под ванной, вспомнил про спрятанные в шкафчике стола рога и всё же решил сходить к точке чуть позже. Сначала требовался разговор с Тенью, который на носу держал Грома и видел каждое его движение неизвестным науке способом.

–

Ты совсем уже что ли!? – завизжал от ненависти координатор. – Что за самовольность? Вы оба в общую могилу захотели? Так я вам устрою!

Хегли молча стоял у окна, отодвинув телефон подальше от уха. В его трусобе не на что было смотреть и днём, и ночью, но нервный взгляд прочно приковывался к темноте. Где-то далеко горели те самые высоты, из которых Гром сбежал час назад.

– К чему именно претензии? – непоколебимо спросил Фланнаган и, развернувшись, присел на подоконник. – Документы у меня, задание выполнено.

– А нельзя было обойтись без фарта? – возмущение Тени перестало перерастать в злость и постепенно сходило к остыванию, но в голове у высшего чина «Грозы» оставалось ещё много заготовленных фраз, которые хотелось выплеснуть пренебрежительному диверсанту в морду. – Или тебе напомнить правила безопасности?

– Если не сложно, – Хегли начал потихоньку выходить из себя и был готов сказать любое необдуманное слово.

– Да? Серьёзно? Зашёл в здание, убрал лишние глаза и сделал дело. Что непонятного?

– Да почему вы орёте на меня – я этого не понимаю! Я между прочим тоже весь на нервах!

– А тебе-то что нервничать? У тебя всё закончилось.

– Она вернулась? Скажите мне, что она вернулась, и я успокоюсь.

– Я пока не созванивался с Берсеркером. Но ты не волнуйся, с ней всё будет в порядке. Документы вместе с костюмом можешь передать через мусоровоз, – координатор глубоко вздохнул и замолчал на несколько секунд. – Теперь переходим к следующей новости: установили для тебя новое задание. Начать с плюсов или с минусов?

– С минусов.

– Ну а я всё же начну с плюсов. В общем, тебе ближайшее время не придётся ходить на рейды ни в своей зоне, ни в чужой. Ты вообще будешь жить собственной жизнью, наладишь её, выспишься наконец, работу найдёшь.

– А теперь плюсы.

– Минус в том, что его не существует. Разве что, ты будешь лицезреть нашего врага ещё больше. Не буду тебя томить... Как ты относишься к отношениям с Ярвинен?

Фланнаган старался как можно дольше затягивать с ответом, стараясь взвешенно подумать над предложением Тени. Плюсы действительно его манили, да и общение с Мишель вполне могло ему понравиться. Но только как с другом – максимум. У него была девушка и он

даже ради всеобщего блага не мог позволить себе согласиться. Тем более, тигрица так быстро тянула Хегли вверх по лестнице их контактирования, что у импалы с каждой встречей всё громче и громче трещала рука.

Она – враг. С ней нельзя общаться, дружить, лучше воздержаться от встреч, и парень это знал, понимал. В любой момент Ярвинен могла схватиться за него и разорвать по швам, как это удалось сделать с арестованным Альфой и исчезнувшим Фениксом. Хегли боялся её; он сам когда-то наваял ужас на весь город внезапным появлением, а потом пришла и очередь Мишель, которая с той же внезапностью нанесла по «Грозе» пару болезненных ударов. Что ещё у неё припрятано в рукаве?

– Крайне негативно. Но ваше решение всё равно не изменится, ведь так? – ответил вопросом импала.

– А тебе не кажется, что ты упускаешь один очень важный нюанс?

– Вы насчёт того, что мы с вами разговариваем только вопросами в последнее время?

– Ты тоже это заметил? – спросил координатор и тихонько хмыкнул. – Нет, дело в другом. Очень подозрительным оказалось появление вооружённых и подготовленных оперативников именно рядом с местом вашего задания. В наших рядах может быть зверь, который потихоньку сливает про нас информацию... Почему бы нам не завестись таким же? Пока ты будешь отвлекать внимание Ярвинен на свои роскошные рога, мы найдём предателя. Если он есть, конечно. В противном случае, вся «Гроза» или возьмёт рискованную паузу, после которой мы вряд ли найдём себе бойцов, или вообще прекратит существование. Выбор за тобой, но я требую, чтобы уже завтра эта девица с длинными зубами спокойно сидела у тебя на коленях и не хотела слезать. Ты понял меня?

У Хегли действительно был выбор, но одна из чаш была в сотню раз тяжелее другой. Отказаться от затеи с соблазнением Ярвинен – сказать, что целостность «Грозы», её идеалы и подчинённые менее важны, чем гордость и верность зверю, имени которого антилопа не знал. Он о Молнии вообще ничего не узнал за три года знакомства и год отношений, а Мишель почти полностью открылась ему за сутки.

– А если я полюблю её? – спросил Хегли.

Вторая сторона вызова затихла, не ожидая услышать столь сложный, но очевидный вопрос. Фланнаган был не из влюбчивых, ему аккомпанировала преданность всему, что он делает. Но и Мишель не так проста. Она при первой встрече впиалась клыками в антилопу и не захотела отпускать, хотя перед ней крутился более импозантный мужчина. У Фланнагана ситуация была с точностью до наоборот и, возможно, он смог бы поддаться.

– Тогда ты либо везунчик, либо ужасный шпион, – прохрипел Тень и сильно закашлял. – Это, пожалуй, всё, что я хочу тебе сказать. Вопросы есть?

– Я просил встречи с вами, помните? В прошлый раз я не успел вам напомнить об этом. Мне необходимо лично встретиться с вами. Я требую это. И пока моё требование не будет выполнено, я не приступлю к новому заданию. Меня беспокоит тот факт, что мы уже три года работаем вместе, а я до сих пор даже ваш вид не знаю.

– Я это слышал уже десяток раз, можешь больше ничего не говорить. Но ты ведь понимаешь, что это может навредить и тебе, и нашему взаимодействию.

– Мне уже всё равно. Я единственный подчинённый у вас. Неужели вы не можете сделать для меня маленькое исключение?

– Хорошо, будем считать, что ты меня убедил. Но место я выберу сам, и, поверь, ты ему не обрадуешься.

– Я готов хоть на глубины океана спуститься.

– Отлично! Тогда жду тебя послезавтра вечером в Оазисе.

– Это... – протянул Фланнаган. – Я не готов туда вернуться. Да и... стыдно мне появляться там пока что.

– Тебе нужна встреча?

На несколько секунд замолчав, Хегли задумался над сложностями поездки в Оазис – город, где поселилась его семья после уничтожения Истдзерта. Он должен был вернуться туда по окончании строительного колледжа, но родные пустыни со временем потеряли краски, высокие пальмы не смогли бы укрыть в тени его наполненное злостью и одержимостью желание добиться справедливости. Ему хотелось вернуться с поднятым над головой жёлто-белым штандартом, а возвращаться с опущенными до земли рогами – нет.

Он не говорил родным про свои связи с «Грозой». Ему казалось, что о диверсантах думают не иначе, как о героях, которые ходят по тонкому льду и в любой момент могут расстаться с жизнью ради ценностей проигравшего в войне государства. Действительно, о «Грозе» знали многие, и за пределами двух государств, но положительно относились далеко не все... Особенно к Грому – лучшему диверсанту за всё время существования группировки.

– Вот и славно. Если послезавтра вечером тебя не будет в Оазисе, то наша встреча отменяется. Завершение.

Завершив вызов, Хегли с силой бросил телефон на кровать, вымещая злость на гаджете. Он сжал ладони в замок за затылком, а локтями прикрыл замученную морду. Голова тяжелеела и без рогов – в ней набухали незаконченные проблемы, которые, скапливаясь, выдавливали яркие моменты из памяти антилопы. Пару часов назад импала наслаждался примирением с Молнией, был счастлив, но уже вспышка момента угасла и перестала показываться из-под мрачной пелены.

Главной сложностью общения с Мишель были глобальные различия в видах. Конечно, приходилось слышать о странных нравах хищников, про особенности их жизни, хотя в окружении Фланнагана хищников было совсем немного: слишком открытый для мира Хью, который мог подстроиться под любую компанию, не выдав своей натуры, и таинственный Альфа, с которым Хегли часто общался на точках, но исключительно по работе. Второй вчера поселился в сыром помещении с маленьким окошком и спрятавшемся в углу одиночеством, да и уровень доверия был невысок. А вот лабрадор как раз и являлся тем самым экстернормом, что мог подсказать другу правила общения с хищницей.

Хегли долго не решался позвонить Хью, старался подобрать нужные слова, чтобы не вызвать подозрений у любопытного пса. Важная миссия Фланнагана не требовала резких перемен и действий, но в пылу парень захотел как можно скорее решить многие организационные вопросы и перейти к делу.

– Алло. Хью, у меня к тебе дело на миллион – нужна парочка советов, – торопливо пробубнил Хегли в трубку.

– Ты на часы смотрел? – неторопливо ответил лабрадор. Его голос не был похож на заспанный, скорее наоборот, на чересчур бодрый и взвинченный. – Сейчас четверть двенадцатого.

– Ты засыпаешь только под утро.

– Я... занят. У меня очень важная встреча.

– Ты на часы смотрел? – передразнил друга антилопа. – Сейчас четверть двенадцатого.

– Очень смешно, – сарказмом ответил пёс, но всё равно засмеялся.

– Серьёзно, с кем ты встречаешься?

– Хочу попытать счастья с Дорен. Я решил ей всё рассказать. Прикупил букет красивый, приделся. Думаю, она не сможет устоять предо мной.

– Ты на часы смотрел? Сейчас четверть двенадцатого. Она уже давно спит.

– Неправда. Я ей только что звонил, попросил подождать меня несколько минут. И вообще, что тебе надобно от меня?

– Ну... я как бы по тому же вопросу... я не про Дорен. Короче, мне надо... то есть не надо, а я хочу попробовать пообщаться с Мишель. Не просто пообщаться, а... как парень с девушкой. Вот.

– Поздравляю тебя! Наконец-то! Наконец-то!!! – в действительности закричал Хью, отодвинув телефон подальше от пасти. – Засиделся ты в девках, брат. Расскажу Дорен – она не поверит. Мы с ней уже отчаялись, думали, если Мишель не понравится, то прикопнём тебя в лесу, чтобы ты нам не надоедал. Ладно, научу тебя быть настоящим самцом, но сначала я всё же схожу к Дорен. Давай, увидимся!

Спешка Хью была рождена из странного опасения пропустить момент и сбиться с твёрдого пути, по которому пёс решил идти прямо, смотря в глаза своей цели, и не сворачивать. Сомнения были не в его стиле, но в этот раз лабрадор занервничал до дрожания зубов. Редко предоставлялся шанс кардинально изменить жизнь за одну минуту, последним был приём на работу в ресторан пять лет назад и то инициатором служили потребности для продолжения жизни. А на сей раз всё произошло иначе.

Парень торопливым взглядом оббежал по всему, что только показывалось из ночи или освещалось уличными фонарями. Ему хотелось сполна запомнить время, когда жизнь перевернулась на голову, до мельчайших подробностей. Несколько раз он останавливался перед клумбами во дворе, чтобы закрепить в своей памяти цвета роз, которые сопровождали лабрадора на его дороге, хотя в его руках красовался изящный букет из белых гладиолусов и тёмно-вишнёвых лилий с мелкими крапинками чёрного, завернутый в бежевую бумажную обёртку с белой лентой.

Хью не хотел отступать от своей цели ни на шаг, будто идя в тягость себе. Но в голову пришёл навязчивый анализ двух зверей, которые, как стало казаться парню, не совместимы. Дорен любила читать, познавать мир через книгу, а её друг за годы их знакомства брал в руки хранилище знаний только для того чтобы подпереть компьютерный стол или убить муху на стене. Ей нравился домашний уют, а ему – ходить по гостям и не бывать днями дома. И похожих различий лабрадор до входа в подъезд насчитал больше десятка. Но про виды и не подумал.

Пару лет назад парень впервые подумал над тем, что Дорен, возможно, и есть та девушка из его мечты, что он хочет провести всю свою жизнь с ней. С тех пор он не изменил своё мнение. Чувства частенько обострялись и незначительно гасли, но в своём вкусе Хью был уверен на сотни процентов. Доброта девушки, заботливость и энергичность являлись чертами, в которых лабрадор топил молчаливость, чрезмерную принципиальность и горячность.

Подойдя к входной двери, он дал протяжный звонок и, спрятав букет за спиной, приготовился к одному из самых важных событий, происходивших с ним в последнее время. Дорен быстро открыла дверь и удивлённо осмотрела Хью. Ей редко доводилось видеть своего друга в отглаженном костюме с галстуком-бабочкой на шее. Лабрадор осмотрел себя, посчитав, что его безупречный вид портит маленькое пятнышко или пушок.

– Привет, – устало сказала девушка и поправила висевшую на её плечах вязанную накидку. – Что с тобой?

– Тебе не нравится? – обиженно спросил Хью, опустив голову ещё ниже.

– Мне... нравится, что ты прилично выглядишь. Но этот костюм тебе не идёт, я уже говорила. Тем более, когда ты приходишь в нём ко мне в полночь.

Сбитый с курса парень не видел стороны, с которой нужно зайти в разговор, чтобы настроить Дорен на правильную волну. Он посчитал, что уже – за пару секунд – успел потерпеть обидное поражение, которое хоть ничего и не стоило, но нанесло тяжёлый моральный урон.

– Проходи.

Крольчиха пропустила друга в квартиру и остановилась возле небольшой полки с тапками, поправив накидку.

– Я тут тебе... – промямлил Хью и обнажил букет из-за спины. Он стеснительно почесал за ухом, чуть сжавшись и опустив морду вниз. – ...давно цветы не дарил.

Удивлённая девушка с трепетом взяла в руки букет, который ей приходилось держать обеими руками. Приятная теплота в мгновение растопила усталость прошедшего дня. Ей редко дарили цветы, особенно пёс, считая, вероятно, что друг – бесполое существо. Лабрадор в целом нечасто одаривал Дорен – только по большим праздникам вроде дня рождения или Нового года, и то его фантазия ограничивалась либо книгой, либо тапочками. Поэтому его подарок многократно превосходил все предыдущие и дал крольчихе забытое ей чувство слабости и женственности, которое она могла ощутить, лишь представляя себя героиней книги.

– Спасибо, – сказала девушка и, закрыв глаза, насладилась прекрасным ароматом цветов. Её ушки легонько задрожали вместе с носиком и веками. – А в честь чего?

– Мне... – Хью старался придумать любую отговорку, боясь сказать то, что привело его в эту квартиру перед полночью. – ...захотелось сделать тебе приятно.

– А теперь правду.

– Эх... ладно, – парень глубоко вдохнул, набравшись смелости, но и дополнительный поток уверенности не помог ему сперва. Он продолжал молча стоять. В конце концов, спрятав стеснение на дне кармана брюк, лабрадор взглянул в обеспокоенные глаза крольчихи. – Я хочу предложить тебе встречаться, – пёс присел на тумбочку, сгорбив спину и подперев тело локтями о колени. – Мне давно хочется сказать, что я тебя... люблю. Очень давно. Но я всегда боялся, что ты скажешь мне нет, а я не так часто влюбляюсь в девушек, чтобы разбрасываться своей жизнью направо и налево.

Дорен не отрываясь смотрела на пса, не могла поверить своим ушам. В её душе расцвёл закрытый от всех бутон любви, который она хотела распустить только для Хью и никому не позволяла дотрагиваться до него. Она ждала признания, этих нежных слов.

Но ведь не только лабрадор думал о своих чувствах и ответственности за них.

Для крольчихи приоритетом в жизни являлась семья, о которой она мечтала с самого детства. Ей хотелось иметь обычного мужа, без желания выделиться из толпы или разбогатеть до безумства, как можно больше детей и спокойной домашней жизни. Купить домик у озера за городом, чтобы дети могли полноценно развиваться параллельно губящей цивилизации, заниматься садоводством, посадить любимые девушкой груши и вишни. Дорен хотела простой жизни. Но Хью мог дать ей не всё, чего она желала.

– Ты не думай, что я забочусь только о себе, – продолжил парень. – Если ты мне откажешь, я обижусь, но пойму.

– Хью, дослушай меня до конца, пожалуйста, – крольчиха подошла ближе к псу, аккуратно взяла его ладонь. – Ты мне тоже очень нравишься. Я сама хотела тебе в этом признаться, – лабрадор пришёл в восторг – ему хотелось подпрыгнуть до почерневших небес и взлететь, но он лишь легонько сжал ручку Дорен. – Только я не думаю, что могу стать экстернормом.

– Можно ведь и не...

– Нет, Хью, я просила дать мне договорить, – резко прервала парня девушка и продолжила в более накалённой атмосфере. – Мы можем с тобой встречаться – не больше. А я хочу семьи. Нормальной семьи.

– Но есть ведь средства. Есть таблетки, которые могут помочь. Да и... – Хью замолчал, пытаясь придумать аргумент в свою пользу, но в голову не пришло ни единой здоровой идеи. – Ты тот самый зверь, который думает головой, а не сердцем.

– Может быть. Но моего мнения это не изменит.

Лабрадор сурово опустил уши и брови. Обида встала к пульту управления над ним. Последующие слова Дорен он нарочно пропускал мимо ушей, не уделил им ни секунды. Он понимал её, отказ был вполне логичен и закономерен, но так нежелателен для него, что Хью со злости мог сказать любую глупость или же сделать её.

– Букет заберёшь? – сказала девушка и сравняла с землёй вечный бастион псовой непоколебимости.

Встав и поправив костюм, Хью сорвал с шеи галстук-бабочку и, бросив её на пол, вышел из квартиры. Ему хотелось хлопком двери показать свой гнев, но дверная ручка выскользнула из его руки и выполнить задуманное не получилось. Убегая по лестнице, лабрадор вглядывался в дверь её квартиры, но она так и не вышла.

На улице прохлада чуть остудила разгорячённого парня. Он, думая, что Дорен из чувства совести должна следить за ним из окна, решил наглядней продемонстрировать недовольство и перевернул вверх дном мусорный бак, из которого, звеня и шурша, посыпались битые стёкла и пластиковые пакеты. Его огненное настроение, зажигавшее исключительно всё плохое в Хьюе, изливалось на всём подряд, и даже те розы, что парень рассматривал перед встречей с девушкой, не смогли укрыться от разозлившегося пса. Он с силой схватил стебель одной из них, шипом проткнул ладонь, и, ощутив боль с привкусом крови, всё же отломил цветок от общего куста.

Скалясь на всех подряд и сморщив селлион, Хью молча шёл по улицам города, иногда заплывал в мыслях. От него шарахались звери, старались обходить стороной. Но парень не замечал этого, как и всего происходящего вокруг – как рядом говорили о тревоге в городе, о перекрытых дорогах, как полицейские автомобили стаями колесили по каждому закоулку.

Спустя несколько минут слепой ходьбы он уткнулся в стоящее у угла тротуара зеркало. Разъярённый вид не шёл ему – ни злобный оскал, ни сжатые брови, ни «Грозная стойка. Хью привык быть весёлым и беспечным, чтобы искренняя улыбка не сходила с его морды. Он взглянул на своё отражение, отдалённо напоминавшее его.

Хегли ждал своего друга у себя в квартире, успев сбегать к «Шестому» и обменяться парой фраз с Купрусом. Охранник с удовольствием и напряжением слушал про побег диверсантов от оперативников, про их разговор с Брауном, но, что показалось странным Фланнагану, иногда прерывал рассказчика и спрашивал про Молнию. Сам импала не слышал ничего о девушке после их последней встречи и от того жил, как на иглах, переживая, не находя себе места.

Вернулся антилопа позже пса, который пришёл к пустой квартире, прозвонил в звонок минут десять и, отчаявшись, приняв за предательство, сел около двери. Его низко опущенная голова, спрятанная за руками, не шевельнулась, когда Хегли прозвенел ключами перед ухом лабрадора. Хью уснул, не дождался блудного друга. Но его крепкий от соло на нервах сон прервал хозяин квартиры. Все попытки убедить пса отоспаться у Фланнагана были тщетно разбиты об отвесный пик горького опыта. Потерявший веру в себя зверь хотел поделиться своим несчастьем и донести до друга суровую мораль.

За разговором они просидели до двух ночи, не отклоняясь от одной и той же темы, постоянно подкрепляя её новыми размышлениями и историями. Ведущим диалога был Хью, рассказывавший о всех девушках, что повстречались в его жизни, и о их ничтожности по сравнению с Дорен. Ему хотелось выпить, говорить и действовать, но Хегли разрешил только общение. Псу не хватало слов, чтобы описать антилопе собственные переживания и чувства, он помогал себе активной жестикуляцией и постоянными резкими вставаниями со стула. Иногда переходил на крик, иногда говорил еле слышно – от всей души, передавая эмоции в чистейшем виде.

– И что ты думаешь делать? – спросил импала, который подпёр подбородок руками, чтобы не свалиться от усталости на стол. Он незаметно пытался закрыть глаза – опустить занавес, закрывающий сцену театра, но один настырный актёр так и лез за неё. – Сдашься? Или как обычно?

– Надо следовать логике. Дай подумать, – ответил Хью и зевнул во всю ширину пасти. – Кому она нужна?

– Тебе.

– Верно. Я всё равно продолжу за ней ухаживать, только теперь ещё... как бы это сказать... лучше, в общем. Вот согласишься, что библиотекари стали не очень востребованы в народе. Сто пудов её подцепит какой-нибудь раздолбай, и через лет двадцать она будет сожалеть, что мне отказала.

– А ты что будешь делать эти двадцать лет? Будешь специально сидеть в холостяках, купишь дом напротив её дома и каждый вечер здороваться с ней после возвращения с работы? Надо бы процесс ускорить.

– Да, ты прав. Я докажу ей, что кроме меня она никому не нужна.

– Это не совсем то, что я хотел тебе предложить, но, думаю, тебя это вряд ли остановит, – Хегли улёгся на стол, раскинув руки, и на секундочку закрыл болевшие, ноющие глаза. – И вообще, я у тебя совета для себя просил.

– Да какой там совет, – отмахнулся пёс. Он, подойдя к другу, толкнул того в бок и свалился на стоявший рядом стул. – Я вот в юношестве хотел быть экстернормом. Хотел, чтобы у меня была девушка из травоядных.

– И чем это отличается от твоих желаний сейчас?

– Я про кроликов как-то не думал. Да хотя бы... – Хью стал размахивать рукой по сторонам, придавая своему двигателю внутреннего мышления большой КПД, – импалу хотел. Мы ведь все думаем, что в паре хищник будет доминировать, что это так классно. Я бы и сам так хотел. Каждому хищнику нужно чувство власти, нужно играть со своим партнёром, издеваться над ним, чтобы потешить своё эго. Больше я тебе толком ничего и не расскажу. Тем более на сонную голову. Моё койка-место не уехало?

– Ждёт тебя, – не отрываясь от поверхности стола сказал Фланнаган. Он уже медленно засыпал, отрекаясь от надоевшей реальности.

Внутренний голос Хегли приказывал ему встать со стула и лечь на кровати, где гораздо удобнее спать и наслаждаться полным спокойствием. Но усталое тело отказывалось прислушиваться к словам в голове и не двигалось. Антилопа уснул.

К этому времени уснул и город, который вечером потрясли не прекращавшиеся рейды полицейских и службы специальной охраны. Только за то время, что Хегли разговаривал с Хью, арестовали две сотни подозреваемых в сделках с «Грозой», закрыли около десятка частных фирм и опечатали закрытый завод в исторической части города. И всё за один час. За один роковой для многих зверей час.

Во тьме повсеместно мигали сине-красные огни, готовые в любой момент беспощадно действовать по одному лишь щелчку пальцев. Щелчок за щелчком – тревога в городе превратилась в триллер для многих приезжих из Пустыни зверей. В редких случаях стражи порядка решались разобраться в деле; обычно же забирали с собой всех, кто находился под пристальным взором. К утру городская тюрьма была заполнена невиновными.

Ярвинен ещё в рядах кадетов Академии отличалась твёрдостью и хладнокровием, поэтому её план не вызвал удивления в высших рядах. А в народе заговорили об уволенном Брауне, который, пусть и мало результативно, боролся с «Грозой» в пределах правил, никогда не выходил за тонкую черту и никому не позволял ступить шаг за неё.

Медведь имел право претендовать на свою должность – он захотел её выбить. Его поддерживали снизу. Тигрица настойчиво придерживалась жёсткому плану, способному выловить всю «Грозу» за короткие сроки. Её поддерживали сверху.

К началу рабочего дня город разделился на две неравные части: тех, кто поддерживал законное представительство Доминиона, и тех, кому по душе пришёлся вновь вставший в стойку вице-прокурор.

Про нападение на Брауна никто и не вспомнил. Газеты, телевидение, радио – все молчали о самом зачатке конфликта, отнеся его к второсортным новостям. И даже Хегли, ожидавший с утра увидеть фотографию Грома хоть в одном достойном издании для пополнения «Крите-

рия», удивился положенным на довольно громкое событие затмением. В некоторых изданиях абсолютно все страницы пестрили новостями про «войну у небес», где-то мимолётно отмечали роль «Грозы».

И лишь в одной недостаточно престижной газетёнке, которая, вероятно, отстала от общего информационного клубка, Фланнаган нашёл весть об убийстве одного из оперативников – выстрелом в грудь со снайперской винтовки во время погони за Молнией. Первое чувство, испытанное парнем, – гордость – постепенно перешло в ненависть за данный Ярвинен повод для ареста многих подданных Пустыни.

Как разобрался Хегли, Мишель специально арестовала многих невинных зверей, чтобы жалостью заставить диверсантов сложить оружие у порога Префектуры, но официальный пресс-секретарь Доминиона сообщил о плановом рейде, продуманном задолго до ночных событий. В любом случае Ярвинен уходила в плюс.

Фланнаган нарочно пошёл на работу по длинному пути, желая разобраться с головоломкой в его голове. События с лёгкостью сходились в целое, но импала не видел логики, не видел следа, что мог бы привести к следующему событию раньше обер-прокурора. Ситуация превратилась в минное поле, на котором не было чистых линий и некуда была ступить.

– Рогатый, ты уже здесь? – сказал вышедший из двери шеф-повар с чашкой кофе в руках. Он осмотрел не выпавшего парня от кончиков рогов до ног и усмехнулся. – Выпустили тебя?

– Меня и не забирали.

– Повезло, значит. А что ж тогда такой невыспавшийся? – спросил шеф, но Хегли не стал отвечать на вопрос, ответ на который выглядел очень размытым. – Я думал, тебя забрали посреди ночи и только выпустили, как и других сомнительных мигрантов.

Импала на несколько секунд замер, прокручивая в голове пластинку с последней фразой шефа всё снова и снова. Он цеплялся к каждому слову. И впервые за тот день на его морде сверкнула довольная улыбка, которая слегка терялась в тандеме с напуганным взглядом.

– Их выпустили? – Хегли всем телом повернулся к начальнику в ожидании нужных ему слов.

– Ну да. У меня зять в полиции работает, говорит, многих довели до тюрьмы и обратно, даже не проверяли. Да, некоторых действительно посадили, проверяют. Но не зря ловили: нашли какого-то наркоторговца с Юга, троих беглецов с Севера и диверсанта поймали на десерт.

– Какого диверсанта? – спросил Фланнаган, стараясь делать наименее заинтересованное и взволнованное выражение морды. Но внутри он сторел за те мгновения, что шеф молчал. Поймали его сослуживца, возможно, близкого приятеля или вообще... Молнию. Хегли не знал, что хуже.

– А в полосатом костюме который. Обыск в квартире устроили и задержали. Мой зять сам задерживал, – шеф сделал глоток бодрящего кофе, чуть прикрыв глаза. – Зачем надо было столько народу ловить? Ну... баба у руля – этим всё ясно.

– Да, при Брауне такого не было.

– С другой стороны, если поймали, значит, всё работает. Недовольство будет, конечно. Да оно всегда есть, даже если ты всё отлично делаешь.

– Прямо как у моего деда, – с усмешкой сказал Хегли.

– А чего ты пришёл-то сюда? Сигнал тревоги был, все общественные места закрыты на сегодня. Иди домой, отоспись.

Но Хегли не сдвинулся с места. Он откинул голову в бок и положил на холодную кирпичную стену, упёршись рогами в небольшой округлый навес над скамьёй. Попытка сделать глоток воздуха, который отказывался заходить в глотку антилопы. Взгляд упал на мрачную точку, не отрываясь от неё. Кончики пальцев задрожали, а лёгкие поддержали их стремление бояться и переживать.

Вспоминался Шмель – задорный и отважный парень, который больше всего в своей работе любил взрывы и пиротехнику. Его костюм в чёрно-жёлтую полосу, выкрашенный дорогим колером, у многих вызывал улыбку... ровно до тех пор, пока «Грозный и непоколебимый диверсант» не приходил к ним. От его фитиля погибло немало неприятеля, а многие не совершённые им взрывы зачастую приписывали ему. Но его работа была редкой, порой вынужденной – заметить огромного носорога с рюкзаком взрывчатки было проще, чем худого и юркого Грома или крепкого, но быстрого Альфу. Однако Шмель крепко держал на роге пятую позицию «Критерия» и славился, как самый стабильный из всех диверсантов.

Они с Хегли часто общались на точках. Носорог знал сотни интересных историй, каждый раз рассказывал новую и никогда не повторялся. Он был душой компании, самым заметным и открытым среди множества замкнутых диверсантов.

К ресторану подошёл Хью и, не став отрывать друга от горьких мыслей, присел рядом. Шерсть на его голове торчала по всем сторонам компаса, левый глаз чуть покраснел, проколота шипом ладонь туго перебинтована.

– Ещё один, – Хегли услышал недовольный голос шефа. – Что с вами происходит по ночам? Первый уснул прямо сидя на скамейке, второго будто в луже топили до утра.

– Всё нормально, – сонно отозвался Хью и толкнул двумя руками друга. Тот, медленно повернув голову, пробормотал что-то невнятное и отвернулся. – Нам бы выходной, выспаться.

– Сегодня и так нерабочий день. Завтра чтобы оба были в ресторане вовремя.

– А у меня завтра выходной, – сказал Хегли, напоминая не только начальнику, но и самому себя.

– Скажешь это администратору, когда он из отпуска выйдет.

Лабрадор подтянул антилопу вверх, поднимая со скамьи. Рогатого одолевало чувство неизбежной гибели, словно за ним должны вот-вот прийти, но несколько ночей подряд без полноценного сна высосали из импалы все силы. Он мог стоять на ногах и идти, мог воспринимать слова окружающих и запоминать их; не было возможности думать, хотя крушащийся всё на своём пути потом воспоминаний прочно засел в голове Фланнагана.

Невообразимое состояние усталости слилось с желанием прожить день с пользой. Дома Хегли выспался к обеду, после выпил пару чашек крепкого чая, который давно не радовал своим терпким ароматом гостей. Сонливость ушла, оставив вместо себя слабость и ленивость. Хотелось лечь на кровати, уставиться в потолок и забыться в странных мечтах. Но парень решил действовать, решил немедленно приступить к своим обязанностям диверсанта.

Тень не взял телефон, хотя, как думал Хегли, он не выпускал его из рук, всегда находят в курсе последних событий. Номеров других координаторов не должно было быть у сторонних диверсантов. Единственный контакт, который мог раздобыть Фланнаган, – контакт Ярвинен у Дорен. Девушка была огорчена вчерашним поведением лабрадора и решила высказаться его лучшему другу, в красках описывая каждое действие Хью, каждое его слово. За терпеливым молчанием Хегли прошло двадцать минут, чтобы услышать одиннадцать цифр.

Импала не решался позвонить тигрице, уговаривал сам себя сделать шаг вперёд. Чувство долга перебороло стеснительность.

Надоедливые гудки, казалось, длившиеся вечность, сменялись зловещей тишиной и обратно. Фланнаган старался продумать разговор, старался подобрать наиболее точные реплики, но голос Мишель в раз заставил парня забыть даже о приветствии и впасть в ступор на несколько секунд.

– Алло? – повторила девушка. – Вы меня слышите?

– Ээ... да, я тебя слышу. Привет, – нашёл нужное слово Хегли. Он присел на кровать, волнительно сжав пальцы в кулак и переминая их между собой. – Это Хегли. Я тут записал твой номерок и решил позвонить.

– Спасибо, – печальная интонация саблезубой и постоянные всхлипы в трубку сразу задали монотонный темп разговора. – Если честно, ты не вовремя. Я сейчас на похоронах и не могу говорить. Что ты хотел?

– Я хотел увидеться с тобой. Но у тебя, наверное, нет настроения общаться.

– Нет, что ты, я буду рада поговорить с тобой. Тем более, мне некому всё рассказать. А очень хочется. Я сойду с ума, если не поговорю с кем-нибудь.

– А Дорен?

– У неё своя большая проблема, не стоит её нагружать своей, – Мишель замолчала на пару секунд и продолжила. – Думаю, я заеду за тобой через полчаса. Скажи свой адрес.

Поспешные слова могли бы сыграть с Хегли злую шутку – он это понимал. Парень наигранно закашлял, выдавливая из себя хрип и попутно стараясь обдумать свой ответ. Ему не хотелось указывать свои координаты врагу, но и говорить чужие тоже было рискованно – девушка могла бы проверить информацию и заподозрить неладное со стороны знакомого. Было принято решение на основе третьего варианта.

– Я буду у старого фонтана на площади Зелёного мыса.

– Хорошо. Увидимся.

Закончив разговор, Фланнаган тяжело выдохнул. Ему не представлялось общение с девушкой, которая на тот момент буквально стояла на кладбище в чёрной шляпе и оплакивала потерю товарища, подчинённого. Но это был неистовый шанс укрепить их отношения. Мишель могла выговориться Хегли, показать своё доверие, а если парень выслушал и успокоил бы её, то эффект мог стать ярче и заметней.

Не хотелось наживать доверие на чужом горе, но импала тактически оценил выигрыш с невероятно высоким коэффициентом и решил использовать выпавшую на карту удачу возможность сполна.

Площадь у старого фонтана никогда со дня открытия не пустовала так, как было в тот день. Десяток зверей восседал на скамьях по разным сторонам, парочка уединилась на мраморном бортике фонтана. Хегли осмотрел невзрачную площадь. Множество мелких серых плиточек разных оттенков объединились в единую композицию, образовали собой символ Центра – мудрый и величественный дуб в кольце всевластия и покорности. Посреди площади возвышался небольшой округлый фонтан, обременённый старомодным орнаментом. Вода, не чищенная, вероятно, со дня открытия, имела зеленоватый цвет и прятала под собой монеты мелкого номинала, которые частенько пропадали в прохудившихся карманах. Казалось, площадь должна была украшать мрачный и нелепый район, но она слилась со всеобщей серостью и утерjala предназначение.

Хегли опробовал на ощупь воду и присел на край фонтана. Проезжая часть находилась в десяти метрах и была огорожена металлическими столбиками с крепкой цепью на них – Фланнаган не отрывал взгляда от дороги, по которой ежесекундно пронеслась новая машина.

Мишель обещала подъехать через полчаса, но парень ожидал девушку более часа. На заданиях ему часто приходилось ждать всю ночь в обездвиженном состоянии без лишнего отвода глаз, ожидая появления жертвы. Он многих превосходил в терпеливости и пунктуальности, а так хотелось, чтобы каждый стал жить не по часам – по минутам. Его лучший друг постоянно опаздывал на работу, Молния частенько заставляла своего парня ждать и к компании присоединилась Ярвинен, у которой была железобетонная причина для опоздания.

У обочины остановился дорогостоящий кабриолет серебристого матового цвета, съехавший с конвейера престижнейшего завода страны. Плавно изогнутый кузов наряду с неоновыми фарами и изящным вырезом на капоте моментально обратили на себя внимание всех зверей на площади, жадно поедающих взглядом автомобиль. С водительского места на тротуар сошла тигрица, облачённая в длинное чёрное платье, шляпу с вуалью и солнцезащитные очки, которые выполняли другую защищающую функцию.

Звери онемели от удивления, когда мощная и роковая девушка подошла к своей полной противоположности и крепко обняла, не отпуская стесняющегося антилопу. В объятиях они простояли с четверть минуты: Мишель постепенно отходила от посещённого ей траурного мероприятия, наслаждаясь теплом живой, дорогой ей души, а у Хегли не было выбора. Признаться, ему телесный контакт нравился даже больше, чем девушке. Он любил обниматься, зажимать длинными руками друзей, которые неохотно шли на это. А Ярвинен, можно сказать, напросилась сама.

– Куда поедет? – тихо спросила она, отпустив тело импалы и оставив только ладонь на его плече.

– Я безынициативен, – напомнил саблезубой парень. Он незаметно оглядывал смущающих его зверей.

– Точно, я и забыла. Но, может, у тебя есть предложения.

– Ты голодна? Мы могли бы сходить в кафе или ресторан.

– Не могли бы – всё закрыто до завтрашнего дня. Но мне действительно не помешало бы поесть хоть раз за сегодняшний день.

– Тогда... – Хегли начал искать достойную идею, чтобы угодить девушке. Их объятия сильно разжалобили его, и парню захотелось сделать девушке что-нибудь приятное, исполнить её небольшое желание, – я могу сам тебя накормить. Поехали ко мне?

– Ты ведь нарочно пришёл сюда, не сказал свой адрес, потому что не хочешь пускать меня в свою квартиру.

– Нууу... – протянул он.

– И я знаю почему. Ты хочешь произвести на меня хорошее впечатление, а у тебя, наверное, носки валяются, бардак полный. Думаешь, что меня отпугнёт твоя неряшливость, – Мишель опустила ладонь до локтя, аккуратно прихватив Хегли, и повела парня к машине. – Для этого ведь и нужна женская рука, чтобы превратить своего мужчину в опрятного и чисто-плотного самца. Но это немного нелогично.

– Почему?

– Потому что каждый опрятный самец выглядит более привлекательно. На него будут смотреть другие женщины. Получается, мы сами создаём себе проблему.

– Тогда в следующий раз не буду мыться три недели, чтобы никакая другая девушка на меня не посмотрела. Забуду про утюг и щётку для шерсти.

– Мне нравится твоя верность моему вниманию, но не надо всё принимать настолько серьёзно.

Хегли постепенно стал приходить в себя – его привело в чувство слово верность, которое ассоциировалось исключительно с Молнией и «Грозой». Вспомнив про девушку, питавшую искреннее чувство любви к нему, он отказался от встречных любезностей в адрес тигрицы. Но его не менее любимая группировка требовала обратного, нуждалась в обольщении прокурора, в полной власти над её чувствами.

Ловкое маневрирование Фланнагана могло обеспечить ему достойное количество плюсов в отношениях с Ярвинен. Импала галантно открыл дверь автомобиля перед ней и аккуратно усадил на нежно-кремовое сидение. Впрочем, Хегли не притворялся, показывая себя исключительно в роли джентльмена пусть и в не совсем подходящем виде, – ему хотелось проявить свои наполненные романтикой качества, но Молния была слишком холодна к повышенной заботе со стороны парня и не нуждалась в помощи. Мишель же была доступна для этого, открыта.

Присев в дорогой салон, антилопа оглядел всё, за что только ухватывался его впечатлённый взгляд. Панель, наполненная изяществом и набором высококлассных функций, была вручную раскрашена водостойкой краской, зеркало заднего вида украшала небольшая хвойная веточка, облитая лаком.

Непреодолимая тяга роскоши заставляла Хегли окунуться в неё с рогами, но контроль и скромность вмиг усмирили незнакомое ощущение. Парень сжался в кресле, стараясь не делать лишних прикосновений и не выглядывать из машины, словно боясь излишества в своей бедной жизни. Ему никогда до этого не приходилось сливаться с богатством и не зря – ощущение не понравилось; не хотелось из-за перебора денег идеализировать разъевшуюся натуру, тем более, когда сие богатство принадлежало другому.

– У тебя... шикарная машина, – не мог не сказать Хегли.

– Подарил глава Бродбю за выполнение рабочей кампании. Он любитель разбрасываться государственными деньгами, но всё равно было приятно.

– Кого же ты там поймала? – из чистого интереса спросил Фланнаган, повернувшись корпусом к девушке.

– Мы договаривались, что не будем затягивать в отношении работу. Я ведь не спрашиваю про посетительниц, которые приходят, чтобы построить тебе глазки.

– Хах! Да, интересно! Жёны префектов, министров и бизнесменов специально приходят к нам в ресторан не поесть, не покрасоваться перед белым светом, а построить мне глазки!

– Причём здесь должности их мужей? – с искренним недоумением задала вопрос Мишель. Её взгляд, которым она прожгла импала, подсказывал парню, что девушка словно и не знала о социальном неравенстве. Вполне возможно, ведь она провела большую часть жизни в закрытой базе. – Будто они выше других зверей.

– А разве нет?

– Да, у их мужей есть высокопоставленные должности, но это не значит, что те, у кого нет высокого статуса, хуже.

– Ты даже не представляешь насколько правильно сейчас говоришь и насколько это правило не работает. Во все времена богатые брали в жёны богатых, в грош не ставили бедных. Короли женились на королевах, князья – на княжнах, а крестьяне – на крестьянках. Это сейчас уже стали выбирать себе... абы кого...

Договаривал Хегли с обидой на самого себя. Он любил оценивать ситуацию со стороны, осматривать чужие позиции. И становилось тошно, когда «абы кто», в настоящей жизни не представлявший из себя практически ничего, сидел рядом с той, что могла смотреть на каждого в городе с высоты птичьего полёта, как на пылинки. Отвращение к своей ничтожности сковывало парня, и без того прикованного цепями смущения.

При всём своём желании Фланнаган не мог позволить себе гардероб стильных и дорогих вещей, даже обновление старой одежды происходило крайне редко. Все заработанные деньги уходили на отдельную квартиру и обучение, которое он давно забросил и приходил лишь к сессиям. Еды Хегли покупал раз в пару недель на определённую сумму, никогда не превышая её, изредка занижая, и старался растягивать запас продовольствия на более продолжительное время. До работы ходил пешком, не расплылся на автобусы, метро и такси. Родители могли бы обеспечить его всем, но сложности взаимоотношений двух стран давно перешли все ограничительные линии и дошли до экономических запретов. Но бедная жизнь не смущала антилопу – парень считал, что трудности в молодости закалят мягкий сплав и в будущем станет легче.

Мишель жила на другом полюсе. Нельзя сказать, что в Академии жилось просто, но каждый был полностью обеспечен до своего выпуска, у каждого за спиной стоял богатый родственник, который поддерживал своё чадо, каждому был дан путь в светлое будущее. Уверенность имела баснословную цену. Что уж там говорить об остальном?

Телефон девушки закричал от звонка. Постоянные вызовы – и днём, и ночью – не оставляли тигрице ни единого спокойного часа. Её разговор был строгим, полным профессионализма и быстрым – ей хватило десяти секунд, чтобы услышать указания от комиссара.

– Слушай, – бодро сказала девушка, – давай мы на пару минут заедем ко мне на работу? Мне нужно всего лишь подписать кое-какие бумаги, и мы сразу же уедем. Договорились?

Медленно повернувшись в сторону Мишель голова Хегли сосредоточила в себе оплот с отрицательным ответом. Ему снова начало казаться, что девушка хочет подвести врага ближе, теперь максимально близко, или, на крайний случай, психологически изнурить, обезобразить стойкость диверсанта и нанести контрольный удар. Мнительность Фланнагана и скептицизм никогда не давали ему покоя.

– Я думаю, ты согласишься. Не каждый день тебе обер-прокурор устраивает экскурсию по своему кабинету.

Пока задумчивый парень пытался заставить себя быть спокойным, девушка везла их пряником к месту, над которым, по мнению Хегли, всегда сгущались чёрные тучи, стены были политы кровью, что после вытирали слезами.

Огромное здание высотой с два тополя непреступной крепостью стояло в самом центре города. Это важнейшее сооружение сочетало в себе гордость прошлого – нерушимые бетонные стены и поддерживающие их колонны из полиуретана. Небеса пронзали многочисленные неширокие башни с бронзовыми пиками и флагами Центрального Союза: самая высокая из башен была удостоена честь держать позолоченный дуб весом более тридцати килограмм.

Префектура казалось простой по строению, не имеющей лишнего повода любоваться строением. Её построили за считанные месяцы после приказа президента, которому срочно понадобилось обогнать коллегу с Севера-Запада по количеству стратегических сооружений. Но обделённое красотой здание всё равно стало самой важной достопримечательностью города.

Хегли практически слился с креслом, когда автомобиль Мишель преодолел арку и въехал к главной площади города. Префектура отталкивала от себя враждебное тело, которое неумолимо приближалось. Сердце задрожало при виде вселяющего страх караула, при виде апогея зла. Запуганный взгляд Фланнагана перешёл на девушку, которая бездушным манекеном сидела за рулём и не воспроизводила эмоций, но, заметив на её мордочке еле блеснувшую улыбку, ушёл в высоту, наполненную облаками и мутными прорезями голубого неба.

Парень старался пропустить мимо себя каждую секунду пребывания рядом с Префектурой. Пройдена парковка, пройден суровый контроль, который не хотел пускать чужака без письменного одобрения Ярвинен, пройдены коридоры, ведущие в судебную часть здания. В ней появились строгие и неподкупные звери в формах и погонах, на которых гордо блестели звёзды и полосы. Каждый приветствовал Мишель как начальника, как высшую инстанцию с кнутом в одной руке, и с пряником – в другой.

Её кабинет расположился в конце длинного коридора, наполненного отвращением к любому проявлению анархии. На тяжёлой деревянной двери гордо висела табличка с полным именем Ярвинен. Открыв проход в одно из самых святых мест Префектуры, Мишель сперва пропустила вперёд гостя, а уж потом, переглянувшись и обменявшись фразой со своим подчинённым, стоящим неподалёку, прошла сама.

Наполненный светом кабинет на пару мгновений заставил душу Хегли выпрыгнуть из тела и перенестись в пустоту. Это место не было наполнено отвращением к Пустыне или «Грозе», но само ощущение присутствия больно окликалось в голове.

Фланнаган стоял у входа, испуганно оглядывал каждый сантиметр. Для обер-прокурора кабинет был небольшим, даже маленьким: в него вместился крепкий двухъярусный стол бежевого оттенка, обставленный необходимыми органайзерами и заваленный горами бумаги и папками с делами, полный книгами шкаф схожего со столом цветом, на котором стояла парочка округлых кактусов. Сквозь жалюзи пытались найти себе продолжение солнечные лучи, аккуратно упавшие на ламинат. Хегли сразу заметил вешалку, как оружие в случае нападения Ярвинен – он понимал, что из Префектуры ему не удастся сбежать при любом раскладе, но всё равно мысленно прикидывал вес держателя вещей. У стены рядом со столом висела карта города, такая же, как и в одной из точек. В воздухе витал игривый аромат цитрусов, исходящий

от плетёной корзины с фруктами за дверью. Длинный чуть потёртый диван располагался за шкафом.

– Проходи, почувствуй себя, как дома, – сказала Мишель и провела Хегли к дивану. Парень осторожно присел, повторно оглядев весь кабинет. – Это и есть самое безопасное место Центра.

– Я как-то не чувствую себя безопасным, – задумчиво отозвался Фланнаган и сразу же пожалел о том, что не зашил себе рот перед входом в здание. Он пытался сделать спокойнейший вид, на всякий случай закрыл глаза.

– Почему?

– Потому что... – пытавшийся найти оправдание импала сделал глубокий вдох, как экстренную паузу в период крайней необходимости, – я пару раз нарушал закон. Ничего серьёзного, конечно, – ему пришлось оправдываться за свои слова, – но всё равно... понимаешь?

– Нет, не понимаю. Я никогда не нарушала.

Мишель присела на своё рабочее место и, положив руку на стол, развернулась к парню. У неё был опечаленный взгляд, которым она старалась поднять веки антилопы.

– И что же ты делал?

– Бензин сливал с машин во дворе и колёса скручивал.

– Не делай так больше, пожалуйста. Я хоть и не занимаюсь такими мелкими делами, но, знай, лично отобью у тебя желание возвращаться к нарушениям закона.

– Не волнуйся так, – отмахнулся парень, стараясь доиграть роль до конца. – Это было очень давно и даже не в этой стране.

Девушка пересела с кресла на диван, отчего Хегли открыл глаза и немного отодвинулся от пересевшего зверя. Ему предстояло открыть их максимально широко, когда Ярвинен легла на спину и опустила голову на мягкий подлокотник.

Ничего не сказав, Мишель медленно закрыла слезящиеся глаза. Она словно впала в транс, не двигалась, дышала тихо и незаметно.

– Тебе плохо? – боязливо спросил импала

– Да, – кратко ответив, девушка клацнула зубами.

– Мне позвать кого-нибудь? У вас есть врач?

– Нет, не нужно никого звать. Просто поговори со мной.

– Ну, хорошо. О чём будем говорить?

– Мы, скорее всего, будем молчать. Потому что я не могу выбрать тему для разговора, а ты в третий раз скажешь, что в тебе нет инициативности.

– Если тебя что-то тревожит, просто выговорись. Знаю, у тебя на душе сейчас горечь от утраты, но не нужно нести её в себе. На то ведь и есть другие звери, чтобы говорить.

– Меня многое тревожит, – сказала Мишель и нервно сглотнула. – В Бродбю мы провели два года, и все остались живы. А здесь всего две недели – наше количество уменьшилось.

Разумеется, смерть сослуживца безжалостно разрывала душу девушки. Ярвинен никогда до этого не чувствовала настолько высокий напор в груди, в глазах, которые истекали слезами, никогда её разум не пленила орда вечного негатива, отсыпавшегося в глубинах.

– Если честно, мы с ним много конфликтовали, почти что враждовали. Он был недоволен, что им управляла самка, любил делать по-своему, не по установке, и некоторые наши планы срывались из-за него. Я не могла на него повлиять, а постоянно звать Иеронима, чтобы тот утихомирил моего подчинённого, не хотелось. И в очередной раз, когда он всё испортил, я в сердцах сказала ему, что не буду плакать на его похоронах... А теперь...

Мишель, закрыв мордочку руками, присела на край дивана. От неё исходили всхлипы, вздрагивания, прерывистое дыхание, которые подтверждали полное падение огромной каменной стены стойкости обер-прокурора.

– В жизни всякое бывает, – сказал антилопа и положил ладонь на плечо девушки. – Есть место и для грусти, и для злости. Не вечно же веселиться.

– Я п-поним-маю. Н-но... – не смогла договорить тигрица, окончательно разревевшись.
– У вас опасная работа. Он... не знаю имени... знал, что его ждёт впереди. И раз он не отступил, значит, решил рискнуть своей жизнью. Тем более ты говоришь, что он подставлял всех. А если бы кто-нибудь другой умер по его вине? – разгорячился антилопа, которому о чувстве утраты было известно всё. – Это ужасно, нет сомнений. И никакие мои слова никогда не сгладят твою печаль. Но просто помни, что он умер героем, который выполнял своё задание. Для любого бойца это очень важно.

– Да, ты прав, – быстро проговорила Мишель, потирая глаза руками. – Он был настоящим бойцом. Спасибо, Хегли, мне стало легче.

Девушка подвинулась ближе к антилопе и обняла его, крепко прижавшись к плечу парня. Грусть не полностью выветрилась из неё, оставив немалый запас, но Ярвинен осознала неизбежность и, пожалуй, закономерность гибели товарища.

– Ты здесь две недели, а диван продавленный, будто ему лет пять, – решил перевести тему Фланнаган. Мишель застенчиво улыбнулась, негромко хмыкнула.

– Просто подумала, что слишком затратно менять кабинет после Брауна. А ты сам знаешь, сколько весит взрослый медведь. Тем более, говорят, что он слишком похотливый.

– И ты не стала менять мебель?

– Я ничего не меняла.

– Даже фрукты? – задал глупый вопрос парень в надежде вновь заставить девушку улыбнуться.

– Фрукты мои. Люблю, когда в комнате витает естественный запах. Возле нашего дома росло поле лаванды, мама делала из неё масло и присылала мне флакон, чтобы я быстрее засыпала. Мне безумно нравится этот запах, он меня успокаивает. Правую руку отдам за флакон с лавандовым маслом.

Стараясь представить себе аромат неоткрытого для себя цветка, Хегли незаметно для себя погладил девушку за плечо. Отключенный от сознания парень пришёл в себя только после ответного действия Мишель, которое заключалось в более близком контакте. Тигрица почесала подбородок импалы, легонько схватив клочок шерсти и потянув на себя. Медленно голова антилопы повернулась в сторону превосходящей силы. Девушка приподняла вуаль и закинула её на верх шляпы.

Фланнаган старался заставить самого себя воздержаться от слов в голове, но бурное течение заносило в реактор тяжёлые задачи, заданные Тенью. Фатальное чувство притягивало обезоруженного антилопу к вооружённой тигрице. Он сдерживался, пытался опомниться. Не мог. Не получалось.

– Что-то не так? – прошептал Хегли.

– У тебя очень красивые глаза, но взгляд какой-то разбитый, словно тебе приходится жить против своей воли? – чуть громче сказала Мишель. – Если бы не эта трагедия, которая меня уже измучила, я, наверное, сделала тебя чуть счастливее, но, сам понимаешь, это аморально в данной ситуации.

– Госпожа Ярвинен, вас срочно в третий... – протараторил вошедший в кабинет сотрудник, вонзивший строгий взгляд в бумагу перед собой, но, увидев двух зверей в не самый подходящий момент, обомлел, застрял между продолжением фразы и извинением.

– Я сейчас буду, – отозвалась Мишель, не удосужившись повернуться к зашедшему зверю. Тот ушёл, а саблезубая, встав с дивана, поправила платье и шляпу, опустила вуаль. – Никуда не уходи. Продолжим.

Как только Ярвинен покинул пределы кабинета, Хегли отсчитал пять секунд и сорвался с места, подбежав к рабочему столу. Сперва он проверил окно, закрыл жалюзи, обеспечив себе полную непроницаемость для вражеского взора. Папка с делами манила его, соблазняла, хотелось забрать её полностью и убежать. Но приходилось держать себя в руках.

Самое первое дело до безумия заинтересовало антилопу. Заключённым 11-47-38 был поджарый леопард с чуть порванным ухом, свежим рассечением и нахмуренными бровями. Его фотография растрясла Фланнагана.

– Альфа? – вырвалось из уст импала. В единое мгновение он успел подумать об одном из правил, гласящим о тайности имени диверсантов «Грозы», но аварийная ситуация могла позволить нарушить пару догм.

Марселлас Бастьён был арестован на месте кражи солидной денежной суммы из крупного коммерческого банка. Ему не удалось скрыться от преследования, не удалось снять и выбросить костюм. А быть пойманным в костюме диверсанта «Грозы» – пожизненное заключение.

По возрасту Альфа оказался на полдесяток лет старше Грома, а по виду, как думал Хегли, на целый десяток. В деле было ещё много интересной от запрета информации, но Фланнаган не стал читать деяния леопарда, а молниеносно сфотографировал на телефон каждую страничку.

– Зря я это сделал, – тихо сказал Хегли и ровно в тот момент его прогрессивная паранойя одержала вверх над концентрацией спокойствия. Могло ведь быть так, что в кабинете всё же установлена камера или прослушивающее устройство, а Мишель под выдуманным предлогом вышла и предоставила врагу возможность выдать самого себя. – Тоже вариант.

– Не скучал? – сказала вновь вошедшая Ярвинен. Она оставила на вешалке свою шляпу, которая могла помешать девушке при близком контакте с парнем, и присела на диван в той же позе, что и несколько минут назад. – Я вижу, ты закрыл жалюзи. Мне и самой хотелось это сделать, спасибо.

– А я тут пока тебя не было пролистал пару дел, нашёл всех убийц, воров, насильников и теперь меня повысят до генерала.

– Там и так убийцы, вору и насильники, господин генерал ресторанных войск, – шутливо сказала Ярвинен. Хегли засмеялся, не искренне, скорее на нервах, выдвинув на лидирующую позицию свою версию с наигранным выходом тигрицы. – Если хочешь, можешь взять и посмотреть пару дел.

– Зачем? А вдруг я... ну, например, из «Грозы»... или секретный проверяющий из Верховного Совета?

– На террориста ты не похож, да и на ревизора, если честно, тоже. Ты больше похож на парня, который может одним взглядом соблазнить любую женщину и увести к себе.

– Да? – недоверчиво спросил Хегли, уверенный в том, что скромный вид отторгает от него других зверей.

– Да. По виду ты очень тихий и неспособный разбивать дамские сердца, а внутри соблазнительный и развязный.

– А если я всё же могу разбить дамское сердце?

– Если это будет моё сердце, то я заменю его твоим. Я измен не потерплю, даже не позволю тебе взглянуть на другую юбку. А ещё лучше поверну твою шею так, чтобы она никогда не поворачивалась налево.

– Измен?.. Ты так говоришь, будто...

Не успел договорить Хегли, как Мишель в привычной манере заставила его молчать, прислонив палец к чужим губам. Но после, опустив его, приготовилась утихомирить парня чуть иначе.

– Госпожа Ярвинен, инспектор подъехал к главному... – сказал, ворвавшись, тот же сотрудник, что ранее уже разрушил идеальный момент для Ярвинен. Он снова запутался в словах, но на сей раз вышел из кабинета стремительней, не задержавшись.

– Только не Иероним, – девушка переменяла романтический, заплывший в глубины любви вид на строгий, профессиональный. – Он уж точно не позволит нам с тобой поговорить. А мне очень хочется побыть с тобой наедине. Встретимся вечером?

Ошарашенный прямолинейностью тигрицы импала удивлённо уставился на неё, пытаясь подобрать наилучшую причину для отговорки и одновременно нахваливая себя, за то что смог добиться поставленной задачи в короткий период.

Его задели слова девушки. Он вцепился в них, повторяя снова и снова. К контролю подступило странное чувство удовлетворения.

– Я должен ехать к родне сегодня вечером. Вернусь только послезавтра вечером уставшим.

– Не беда. Мы можем увидеться, когда ты приедешь с Юга.

Ещё более удивлённый Хегли решил промолчать, ухватившись за последнюю услышанную фразу. Он поспешно вышел из Префектуры, развивая терзающую его мысль.

Погода на улице тихонько нашёптывала на город дождь, нагоняла бледные тучи. Чуть усиливавшийся ветер разгонял народ с площади, предвещая неизбежность плача небес. Похолодало. Не любивший прохладу и мороз в целом Хегли спрятал руки в карманы, сжался и ускорил ходьбу. Денег на такси с собой не было, а предстояло пройти не меньше шести километров по городу до дома.

Крупный цветочный магазин привлёк своей яркой вывеской и разнообразием товара на вылизанной до блеска витрине. Фланнаган вспомнил про лавандовое масло, но хотелось хотя бы увидеть цветок, из которого можно создать нечто способное утихомирить разбушевавшееся чудовище в обличье саблезубой тигрице.

Внутри было немногим теплее, чем на улице, но хотя бы ветер не задувал уши, можно было насладиться восхитительным ароматом цветов, их красотой. Взгляду поддались нежные розы, которых было полным-полно специально для покупателей без фантазии и с примитивным мышлением. Но для гурманов приберегли лилии с орхидеями и георгины с гладиолусами. Выше всех, на полке, стояли пёстрые букеты из тюльпанов, совмещавших в себе простоту и тонкий вкус.

Хегли мог увидеть и стоявшие по углам гортензии, и нависшие над потолком маленькие горшки с пышной глицинией, и безумно дорогие эустомы, которые составляли конкуренции розам, но ласковый голос продавца заставил покинуть царство красоты растений и ворваться в королевство женской неотразимости. Продавец могла заинтересовать любого мужчину, но её работодатель переплюнул подчинённого по всем параметрам. Из дополнительного помещения вышла та самая лисица, которую импала встретил в оранжереи под крышей, когда прятался от оперативников.

Девушка с огненным мехом держала в руках огромный букет алых роз, предназначенных для солидного покупателя, забравшего букет с восхвалениями. Подошла очередь Хегли. Он и не собирался ничего покупать, поэтому короткий диалог двух девушек позволил парню собраться с мыслями и в очередной раз придумать разговор, исходящий из собственного доминирования.

– Добрый день, чем могу помочь? – начала продавец. – У нас огромный ассортимент цветов, лучший в городе.

– Дорогуша, мы ведь договаривались, – приглушённо сказала лисица, прервав сотрудника, – всех красивых самцов обслуживаю я, – она говорила с лукавостью и хитростью, чтобы её слова слышал покупатель. Владелицу магазина раззадорила реакция антилопы на её слова – обычно мужчины всех мастей вмиг расплывались в улыбке, становились заинтересованней. Но не Хегли, сделавший вид, что слова пролетели мимо него. – Чем могу вам помочь?

– Мне бы хотелось приобрести букет лаванды.

– Лаванды? Романтичный заказ. Но, к сожалению, у нас её нет, как и во всём городе.

– А не подскажете почему?

– Она сухоцвет, спросом не пользуется. Вы первый, кто спросил о лаванде за всё время, что магазин стоит на этом месте. Живые цветы найти просто невозможно, только если вы будете искать сушёные ветви, но, если честно, от них только сор на полу.

– Её точно никак не добыть?

– Нуу... – протянула лисица и вышла из-за стойки к Хегли. Её раскованные движения бёдрами создавали ощущение наигранности, замораживающий взгляд не отрывался от глаз парня. Она приняла вольную стойку, опёршись на одну ногу и скрестив руки, подпиравшие широкую грудь. – Я завтра поеду к другим магазинам в западных провинциях и могу привести вам букет. Но её не продают... если вы понимаете. Все поля частные, растущие на производстве. Но для Вас я готова на всё! Вас заинтересует экстракт или масло?

– Мне бы хотелось получить живые цветы, – ответил Хегли, которому становилось жарко от такого внимания лисицы.

– Хорошо. Я постараюсь. Кстати, меня зовут Шарлотта, – девушка деловито протянула руку импале.

– Хегли. Очень приятно, – парень сделал ответный жест и легонько сжал нежную, ухоженную ладонь рыжей самки, позиционировавшей себя как невероятно привлекательную особу. Впрочем, она ей и являлась.

– Взаимно. Ну что ж, тогда я жду вас через день у нас в магазине. Или вы желаете приобрести что-то ещё?

– Я дождусь лаванды, спасибо.

Шарлотта не стала навязывать покупателю другие цветы, не стала давить на парня, На прощание она вильнула распушённым хвостом, повторила атаку, чуть прищурившись и улыбнувшись. Сложно сказать, искренне она пыталась захватить разум антилопы в манящий туман или ей захотелось пополнить счёт соблазнённым парням, но, так или иначе, Хегли был полон женским вниманием в последнее время и не поддавался чарам.

Вышедший из магазина Фланнаган всё же попал под дождь. Учащённые капли охлаждали окружающие бетонные и кирпичные строения, мочили асфальт и каждого прохожего. Прекрасная половина общества старалась уберечься от падающей с неба воды, размазывающей лак с шерсти и тушь с ресниц. Некоторые дамы с обострённой интуицией и прогнозом погоды в телефоне успели захватить с собой зонты, большинство мужчин и не пытались укрыться от дождя, в том числе и Хегли. Он гордо шёл по тротуару, не оборачиваясь, не обращая внимание ни на что.

Дома парень стремительно затолкал пару вещей и бумажный пакет с едой в рюкзак, взял деньги, которые откладывал на чёрный день, и отправился напрямиком к железнодорожной станции. Парень не знал расписания электричек, но надеялся, что вечерняя отправка не обойдёт его стороной.

На старой станции Хегли просидел три часа в ожидании своей электрички. В связи с ночными событиями билеты на каждую поездку раскупали мигом, всем хотелось уехать подальше от злобного взора Доминиона, давившего всех приезжих с других частей континента и Островов. Больше всех волновался народ Юга: подданные саванн, джунглей и южной части пустыни. Импала пытался собрать сложный пазл, который ему подкинула Ярвинен, но в голову не приходило ни единой трезвой мысли. Только Тень мог помочь парню, но до него нужно было ещё добраться.

Ночная мгла накрыла электричку плотным одеялом. Лишь бледная полоска, разрезавшая горизонт и время на сутки, виднелась из окна; больше ничего, беспросветно. Мутный свет внутри вагона освещал жаждущих вернуться домой зверей.

Напротив Хегли сидел престарелый аргали в красной олимпийке с дырочкой на плече от искры. Он без доли стеснения рассматривал парня почти до самой границы с Зоной Пустынь. Ему было невероятно скучно, хотелось с кем-нибудь поговорить, но импала молча вгляды-

вался в ночь. Аргали удалось развести парня на разговор, напомнив забывчивому антилопе про кляпы на рога. Мужчина подарил Фланнагану свои старые, раритетные, чуть расшатанные.

На границе двух стран электричку остановил пограничный пост с войсками Центра, требовавшими тщательный осмотр каждого выезжающего. Огромное скопление зверей беспорядочно стояло у вагонов в ожидании своей очереди. Тем, кто хотел пробиться среди первых, всё равно пришлось ждать последнего проверяемого.

Хегли оглядел пункт контроля: множество наспех поставленных барачков, окружённых невысоким забором из нескольких параллельно натянутых мотков колючей проволоки, пара разборных вышек и минимум рота до зубов вооружённых солдат. Служащие армии Центра светили фонарями в поисках малейших нарушений или несогласных с проверкой. Они грубо расталкивали толпу по сторонам, желая добраться до выкрикивающих из толпы зверей. Фланнаган отошёл подальше от столпотворения и присел рядом с электричкой.

Ждать своей очереди ему пришлось чуть больше часа. За это время он успел заметить несколько весьма занимательных личностей, которые возмущались громче всех, пытались докричаться до младших офицеров, но те лишь воротили носы, не желая ни с кем говорить.

Проверявший документы военный относился к своей работе уважительно, тщательно проверял каждый документ, проверял данные в базе, чтобы не выпустить никого из чёрного списка. Он осматривал Хегли несколько раз, что ненароком заставило Хегли занервничать. Но, получив обратно все документы, парень спокойно покинул пост и запрыгнул в ближайший вагон.

Его ждал ещё один подробный досмотр, но чуть позже и со стороны Зоны Пустынь. Ему не хотелось вновь томиться в ожидании проверки, не хотелось скучать от безделья. Ни разу не приезжая на Родину за время проживания в Центральном Союзе, он не знал всех правил, ждал подвоха, но оставшаяся часть пути прошла для него спокойно и без происшествий.

Величественные леса сменились бескрайними степями, полными золотой пшеницей. Сквозь черноту виднелись лёгкие мазки проплывающих полей, тени лесополос отчерчивали их неширокой полосой акаций. Хегли чувствовал приближение к знойной пустыне за сотни километров, предвкушал неизменный вид песков, волнистых барханов, раздутых душным ветром, мнил о безоблачном небе и светлых ночах. Родные просторы ненароком всплывали перед его уставшими глазами.

До Оазиса оставалось совсем немного времени и, соответственно, пути. Прямое железнодорожное полотно вышло из степей и полупустынь, вторгнувшись в самую обширную пустыню континента. С песчаной могла сравниться разве что арктическая, но уступала и по размерам, и по назначению – холоду на Севере не нашли масштабного применения, в отличие от тепла в Пустыне.

Затормозившая электричка дала старт очередной толкотне, в которой каждый зверь пытался как можно скорее выйти из душного вагона и оказаться в прохладе утренней пустыни.

Подняв с пола рюкзак и выпрыгнув из электрички, Хегли первым делом огляделся. Резкими поворотами головы он привлёк внимание одного из контролёров, одетого в белоснежный мундир с красной лентой на плече. Да и тот факт, что посторонний зверь выпрыгнул от машиниста, его насторожил. Фланнагана сразу же подхватили под руки и повели на досмотр; электричку задержали на полчаса.

В комнате досмотра импала провёл немало времени, в основном пытаясь доказать свою чистоту перед законом. В оппоненты ему попался опытный аддакс, который пугал задержанного доскональной проверкой, но уверенное выражение парня и обыск его рюкзака принесли ему оправдательный вердикт.

За стенами станции Хегли первым делом испробовал на вкус чувство свободы. Да, парень не хотел возвращаться, не хотел быть серой краской в родной палитре, но единый вид своего

города, своего дома наполнили его вдохновением, и пара ночей без полноценного сна уже не казались тяжёлой ношей.

Неширокие дороги в две полосы были готовы скорей под час-пик, а ранним утром, когда ещё не прозвенел ни один будильник, они пустовали, заматались кружившимся на ветру песком. Ещё не погасли уличные фонари, не открылись магазины, таксисты, не получившие работы после прихода электрички, продолжали спать. Небесное светило пустило свои первые лучи, спрятало звёзды и озарило небо. Хегли, прикрыв глаза от света, взглянул на нужную дорогу и уверенно зашагал к дому.

Идти пришлось недолго, благо место рядом, в двух километрах прямого пути. Родительским гнездом был небольшой двухэтажный дом за городом, который купили на деньги, вырученные с продажи квартиры в центральном районе. Этому настоял дед Хегли – Готто-Изоба, который был одним из самых востребованных подрядчиков в Южных Широтах. Своей дочери Чинеду он всегда желал лучшего, наказывал ей быть мудрой и рассудительной, оберегал от невзгод... до переезда в Пустыню. После войны Готто уехал от обжитых простор на помощь дочери – помощь затянулась на долгие годы.

Хегли шёл вдоль дороги в метре от асфальта, осматривал видневшийся город и близлежащие дома. Он прошёл мимо небольшого мотеля, мимо АЭС, где он заметил сотрудника, заливавшего водой пролитый бензин, а сразу за заправкой и стоял дом Фланнагана.

Парень занервничал, с трепетом в сердце поднял руку и постучал по железному покрытию калитки. Со двора никто не выходил, через забор, сделанный из закреплённых листов металлопрофиля, он не стал перелазить, боясь либо погнуть его, либо порезаться.

Щёлкнул замок входной двери, послышались шаги, шорканье ног по бетонной плитке. Звук остановился вблизи, буквально в метре от Хегли. Калитку открыл Готто, не проснувшийся до конца. Он не разглядел своего внука.

– Небеса с тобой, путник, – поприветствовал парня старик по-старомодному, по-южному. Так обычно приветствовали незнакомцев, которым не хотели грубить.

В ответ парень не проронил ни слова. Ему пришло на ум, что прародитель сказал это нарочно.

– Привет, – всё же произнёс Фланнаган. – Давно меня не было, ты уже внука не узнаёшь.

– Хегли? – сказал старик и, спустя мгновения, поняв, что это так, вышел на улицу и крепко обнял своего давно не объявлявшегося потомка. Он крепко сжимал парня под плечами и раскачивался. У него был крепкий хват, надёжный. – Ну наконец ты решил проведать нас. Думали, забыл.

– Нет, – сдавленно ответил Хегли. Его ответное объятие не было настолько сильным, но по душевности не уступало. Парень любил обниматься, ему нравилось прижимать к себе близких зверей, хоть и редко доводилось. В эти секунды он чувствовал себя нужным и неодиноким, тепло чужого сердца сливалось с жаром своего и упивало антилопу. – Работы много.

– Запомни, – Готто оторвался от внука и взглянул тому в глаза, – ни одна работа на свете не может быть дороже семьи. Ладно, пойдём в дом. Мать от радости на весь город кричать будет. Каждый день про тебя вспоминает, мол, где мой сын, чем занимается, почему не приезжает, а он у нас, оказывается, занятой.

Старик провёл внука во двор. На участке возле дома многое изменилось с момента отъезда Хегли. Дед всё же усовершенствовал небольшую мастерскую, в которой часто уединялся и занимался делом своей жизни. А три года назад то место, что сейчас хранит в себе дополнительный инвентарь и кучу хлама, было занято мешками с цементом, досками и шифером, накрытыми чёрным полиэтиленом.

В целом, двор понемногу совершенствовался, изменялся. Чинеду с каждым годом захватывала всё новые земли, преображая их в клумбы, занятые всё теми же флоксами, рудбекией и тысячелистником разных окрасов. Ещё парень вскапывал лунки под эти цветы, засыпал их

плодородной землёй, чтобы пустынный двор хоть немного преобразился. Мама всегда говорила, что хочет вырастить на участке газон, но её желанию не суждено было сбыться из-за адского солнца и дорогих счетов на воду.

Дом не изменился абсолютно. Ромбовидная постройка из модного в Пустыне недожжённого керамического кирпича, с выходом на крышу, где стояли белые шезлонги и раскладной навес над ними. Широкие окна на первом этаже закрыты решёткой, а на втором этаже был выход на маленький балкон. Ступени к дому вели вниз, чтобы в зной было больше тени.

Родные стены приняли Хегли, заставив его подчиниться романтическим пережиткам своего прошлого. Небольшая перестановка мебели в прихожей комнате чуть сбила парня. Он пытался воссоздать у себя в голове иллюстрацию прошлой обстановки, вспомнил, что с каждым новым шкафом или тумбой переходилось тасовать половину вещей в доме.

Жила семья Тэсфайе-Фланнаган небедно и незажиточно – средне, в самый раз для спокойной жизни. Над головой была крыша, ветер не обдувал спину, песок не засыпался в уши, неплохою работу имел каждый член семьи. Разве что приходилось ездить только на общественном транспорте, в котором круглый год было невероятно душно даже с открытыми окнами. Самым, мягко говоря, небогатым был именно Хегли, которому приходилось выживать почти без помощи родителей из-за напряжённой обстановки вокруг двух стран. Ему иногда передавали деньги и продукты через ехавших в Центр друзей или знакомых, но это случалось не чаще раза за три месяца.

– Чинеду, просыпайся! – крикнул старик на весь дом. – Твой блудный сын вернулся!

Не прошло и минуты, как мама Хегли практически бегом спускалась с лестницы. Она, увидев своё единственное дитя, засветилась от счастья, слёзы стекали по её щекам. Чинеду без лишних слов принялась обнимать и целовать сына, прижимала его ещё крепче Готто, что-то приговаривая, говоря самой себе.

– Три года не объявлялся, – заговорила она, вытирая пальцами скатывавшиеся слезинки и осматривая парня с ног до головы. – Изменился-то как!

– Да, – поддержал её дед, – возмужал. Красавец у нас! Только исхудал совсем, будто тебя там голодом морят.

– Ну а как же ему поправиться, если на всём экономить приходится. А я ещё в первый месяц, когда не смогла перевести тебе денег, подумала, что ты тоньше своих рогов будешь.

– Я уже говорил, что устроился на работу, зарабатывать неплохо, хватает и на жизнь, и на учёбу.

– Вот, видишь! – неожиданно сказал Готто, показывая на внука. – Я же тебе говорил, что в Центре платят за образование! Остался бы здесь, камня с обочины не отдал. Да и спокойней за тебя было бы.

К такому разговору старик возвращался снова и снова. Его бездонный патриотизм был опасен для парня моральной атакой, когда глава семьи пытался внушить Хегли, что рядом с домом солнце всегда ярче, а песок чище. Но Готто не всегда говорил о Пустыне, частенько приплетая и Юг, где Фланнаган никогда не был.

– Ну, дочь, накрывай на стол, а я пока поговорю с ним по-мужски.

Худшие опасения парня не подтвердились – дед усадил его на кухне, начал обычный разговор, без каверзных вопросов и уловок. Он частенько прекращал говорить и с большим вниманием рассматривал внука, клацая зубами и двигая челюстью по сторонам. Хегли занервничал, стал отводить глаза, имитировать срочные дела в телефоне.

– Ну а невесту почему не привёз? – резко сказал Готто и постучал ладонью по столу. – Ты же говорил, что есть у тебя кто-то на примете.

– Да, есть, – подтвердил парень.

– Как зовут?

К такому Фланнаган был не готов. Из его уст чуть не вырвался позывной своей девушки, но он вовремя остановился, обдумал слова, которые хотел сказать.

– Мишель, – как ни в чём не бывало заявил Хегли и нервно почесал подбородок.

– Чужое имя. С Центра?

– Нет, с Юга, – парень всё же решил говорить о Молнии, дав ей на время имя Мишель.

– Это хорошо. Самые преданные девушки с Юга. Хоть на мать свою посмотри.

Чинеду обернулась и глянула на отца, который частенько затрагивал излюбленную им тему.

– Она хоть нашего вида? – не унимался Готто.

– Разумеется.

– На морду нормальная? – задал странный вопрос старик и, получив на него положительный ответ, многозначительно кивнул, словно благословил внука. – А то развелось этих экстер-нормов проклятых, житья от них нет.

– Что ж они тебе сделали? – вступила в разговор Чинеду.

– Да не нравятся они мне. Или на голову большие, или ещё на какое место. Вообще, я считаю так – у каждого есть свой вид и каждый должен придерживаться своих правил и рамок. Вот если мы импала, то почему нам в голову должно вбрести есть мясо? Да, это интересно пока ты молод, хочется попробовать что-то необычное. Ну положил ты одну хищницу на кровать, ну вторую, ну ещё парочку, но рано или поздно тебе всё равно надоест и захочется... своего!

– А почему сразу хищницу? – продолжила мама. – Может ведь и травоядная понравится, только другого вида. Зебра, например, или корова.

– Всё равно это ненормально. Будто больше импал на земле нет. Хегли, если та тебя бросит, поедем на Юг, там таких...

– Пап, ну что ты такое говоришь?

– Не кричи на старшего.

– Я не кричала, – оправдалась Чинеду и развернулась к плите, на которой разогревала овощное рагу. Запах от еды был соблазнительней, чем в ресторане, где работал Хегли. Ни один шеф-повар не сравнится с маминой кухней.

Готто продолжал рассматривать своего внука. Прошло не меньше десяти минут, но старик всё смотрел. Его пристальный взгляд почти не сходил с парня.

– Вот что-то изменилось в тебе, – сказал он. – Не могу понять, что именно.

– Старше стал, – сказала Чинеду, не поворачиваясь. – Три года его не видели, вот и забыли уже.

– Нет. Дело в другом... Взор у него злой.

Хегли испуганно взглянул на деда. Тот сидел с каменной мордой и стучал пальцами обеих рук друг по другу, не прикасаясь ладонями. Опаска парня перешла в недоумение – он не был злым на тот момент, даже наоборот, слишком добрым для себя типичного, слишком счастливым.

– Глаза кровью умытые... – продолжил Готто, – как у твоего мужа.

Если пару минут назад старик смог обойти тему с погибшим зятем, то на сей раз не позволил себе молчать. Он не любил отца Хегли, говорил об этом прямо, не скрывая. Его почти ежедневные реплики в адрес покойного шли Чинеду, которая в погибшем муже души не чаяла, любила так, как никто не любил, закрывала глаза на недостатки и возносила до небес преимущества.

– У него тоже нежить бесчинствовала во взгляде...

– Папа, прекрати, – не выдержала мама, – ты постоянно переводишь разговор на Фрэда.

– Потому что он – причина всех проблем.

– Он уже семь лет как тебе не мешает, но ты всё равно каждый день его проклинаешь, – сказала Чинеду, злобно вытирая руки о полотенце. Она развернулась к столу, погладила сына по голове.

– Вот ты посмотри на него, – продолжил Готто, показывая на Хегли. – Злой взгляд, я тебе говорю, злой! Не было такого – раньше он запуганный был, а теперь силу в себе почувствовал.

– Ну и что в этом плохого?

– А ты вспомни, с кем он водился до отъезда в Центр.

Женщина застыла, задумалась над сказанными её отцом словами. Ещё в то время, когда Хегли жил в Оазисе и учился в школе, родители заметили изменения в его поведении. Парень стал более замкнутым, необщительным, но в тоже время у него появилась более взрослая и строгая философия. Причиной стала, как посчитал Готто, промывка мозгов. И оказался прав. Его внука уличили в связях с диверсионными группами, причём несколькими одновременно, что, естественно, дед – мягко говоря, не сторонник любого проявления войны – воспринял крайне негативно.

Хегли запирали в своей комнате, проводили с ним беседы и с позиции силы, и с позиции влияния, но он упирался руками и отторгал нравоучительные лекции родителей.

Прошло совсем немного времени, и парень успокоился, остыл. За ним перестали замечать подозрительные выходки. Даже Готто поверил, что здравый смысл и ум восторжествовали в голове внука, выбив из неё все начинания диверсионного дела. А после заявления о желании учиться на строителя, продолжить профессиональную династию, старик расплылся в улыбке и был готов пойти на всё, чтобы слова Хегли не были пустым звуком. Даже отпустить в Центр.

– Ты вообще понимаешь, что он поехал туда не учиться, а воевать? – Готто встал со стула, прошёл небольшой круг по кухне, затем вернулся на своё место и с силой ударил кулаком по столу. Загремела стеклянная солонка, которая являлась скорее украшением стола, чем необходимой в быту вещью. – Сколько будет два плюс два? – спросил старик у внука.

– Дед, это начальная школа, – спокойно пояснил Хегли. Его не напугал «Грозный вид прародителя и его стремление показать своё могущество перед потомком.

– Что такое дюбель-гвоздь?

– Это крепёжное изделие, которое состоит из двух частей, и служит для крепления предметов к бетону и кирпичу, – выпалил, не запинаясь, Хегли, словно до этого постоянно прокручивал у себя в голове это определение.

Слегка опешив, Готто замолчал и переглянулся с Чинеду. Он не ожидал услышать и внятного слова от Фланнагана.

– И... я имею в виду... – проговорил старик, – это всё хорошо, конечно. Но только для теории. А я проверю тебя на практике.

Хегли посчитал, что дед поведёт его в свою мастерскую и, как в детстве, станет показывать различные строительные инструменты и приспособления, требуя мгновенного наименования. Сделав ссылку на возраст, Готто мог бы заставить парня продемонстрировать умения в обращении с дрелью или стеклорезом. Но он придумал испытание гораздо интересней.

– У тебя есть час, чтобы поесть, искупаться и открыть второе дыхание. Ты, – прародитель демонстративно показал пальцем на сидящего напротив и сжавшего под столом ладони в замок зверя, – поедешь со мной на работу. И я лично проконтролирую каждое твоё движение.

– Дед, – сказал Хегли и резко, словно перед приёмом спиртного, выдохнул в сторону, – если ты хочешь добиться от меня признания, то да, я состою в диверсионной группировке. И мне это нравится! Мне нравится чувствовать, как жители Центра боятся меня, – парень встал на ноги, опёрся о стол, будто пытаясь морально задавить Готто, – как каждый из них страдает. Потому что я страдал, а теперь их очередь.

– Но... но..., – опешил Готто, – это неправильно! Никому нет дела до центральных, до их страхов, до их страны. Нам нужно строить свой дом и своё будущее. Почему чужое тебя волнует больше своего?

Едкие слова впились в голову Хегли. Он не мог парировать, не мог не согласиться с мудрым стариком. Колочая правда колола глаза, отведённые в сторону от словесного бессилия. Парень убрал руки со стола, выпрямился и откинул голову назад.

Его мама вышла из комнаты, решив оставить двух мужчин на откровенный разговор. Готто часто применял такой приём, уводил одного из собеседников, с которым возникли разногласия, и говорил тет-а-тет. На сей раз Чинеду вышла сама.

– Ты же знаешь мою позицию, – сказал старик и нервно почесал затылок. – Я традиционных взглядов. Они проверены временем и надёжны. У нас в роду все мужчины были строителями, а женщины – учителями. Мы строили для своего народа и учили наших детей, создавали свою страну. Никогда в роду Тэсфайе не было другого. Но ты – Фланнаган, ты – копия своего отца!

Парень сел на стол и упёрся лбом в деревянную поверхность кухонного стола. Рогами он почти что доставал до деда, который непоколебимо сидел, сжимая эмоции в кулак. Готто чувствовал приоритет своего слова и ещё долго пытался вправить внуку мозги.

Разговор продолжился и в присутствии Чинеду, и за завтраком. Еда вставала поперёк горла, когда старик добавлял экспрессивности в нравоучительные рассказы про сложность и важность именно профессии строителя. Да, прародитель пытался заставить Хегли передумать и отказаться от «Грозы», но парень, даже понимая правдивость слов, твёрдо решил не завязывать с ночной жизнью. К тому же, интереса обещал добавить разговор с Тенью.

Готто не сжалился над внуком и повёл того на работу. Трудями рабочей группы старика строилась «Типография №1», располагавшаяся на северных окраинах города. Четырёхэтажное здание без архитектурной красоты и излишеств выделялась на фоне других зданий вывешенным на крыше флагом и незаконченной работой.

Въезд во двор был загорожен наспех построенным забором с воротами, управляющимися дистанционно. Соль была в ожидании зверя, владеющего пультом и вечно опаздывающего, и весь настрой Хегли сгорал в золу. Ему хотелось показать деду, что он не просто продукт диверсионной группировки, а тот, за кого Готто может гордиться.

Одобрение и похвалу Фланнаган слышал нечасто. Но всегда работал на неё.

Парень успел познакомиться почти со всей бригадой до начала рабочего дня. Помощниками Тэсфайе были четверо крепких самцов, у которых хоть и не было образования строителя, но могли крепко держать шуруповёрт и отличали электроды от бенгальского огня. Хегли не сразу запомнил их по именам, потому что они называли друг друга по-разному. Неизменным был только Готто, которого, несмотря на приличную разницу в возрасте, все называли только по имени.

Бригада приступила к работе не сразу – сначала прошёл обряд крещения чаем. Причём каждый день был крещён таким образом.

Готто сразу представил внука как будущего начальника «стада». Стадом назывались два друга доркаса, которые были ненамного старше Хегли, но слабые жизненные позиции словно уступали на пару лет, афганский лис с множеством протоптанных путей и пластичным языком и полноватый пекарь с ртом наподобие вечного двигателя, работающего на кислороде. Из разговоров и шуток Хегли уловил общую закономерность для всех – каждый строитель был из Пустыни, с близлежащих земель Оазиса, но не с самого города. Это в стиле Готто.

Вот уже неделю бригада занималась стенами офисов, прикручивая к ним двойной слой гипсокартона. Фланнаган проходил практику на стройке ещё в прошлом году и приходилось делать тоже самое. Только использовать по минимуму инструментов. В руки Хегли попали простой карандаш с плоским стержнем, рулетка на пять метров и канцелярский нож с чуть поржа-

вевшим лезвием. Всё остальное, необходимое больше для удобств, чем для самой работы, парню приходилось мастерить самому. Ему приносили размеры нужных кусков, а там уж молодой и неопытный импала должен был разбираться самостоятельно. В качестве подставки под нож он вырезал из треснувшего листа неширокую полосу на всю длину.

Ему хотелось заставить деда гордиться им, поэтому работу старался выполнить и качественно, и быстро.

Работа шла в темпе, не теряя своего напора. Трудолюбие всей бригады подчеркнулась за первые часы – никто не стоял без дела и минуты. Один из доркасов говорил по телефону, зажимая зубами несколько шурупов, одновременно держал целый лист гипсокартона коленями и прикручивал его к стене шуруповёртом.

Перерыв пришёл с обедом. Все уселись за самодельный стол из металлического профиля и с облегчением выдохнули. Стряхнуть гипсовую пыль с шерсти не мог только Готто, говоривший с пришедшим архитектором. Пекарь не мог не промолчать и сразу же отметил бесполезность планировщика здания, назвав того самым грубым словом. Собственно, это подтвердилось; архитектор пробыл на стройке не более пятнадцати минут и, сжав подмышкой барсетку, ушёл.

Хегли выпил горячего чаю и пошёл осматривать типографию. Небольшие офисы с узкими проходами занимали весь третий этаж здания. В них ничего не было, кроме криво поставленных пластиковых окон и сделанного на совесть реечного потолка. Вместо совместных стен с проходами в офисах были панорамные окна с защитной плёнкой, отклеившейся и завёрнутой в углах. Пол усыпан пылью из гипса, как мягким декабрьским снегом, стружки картона забились в щели. Стройка не бывает чистой или ухоженной, как и сами строители в работе.

Фланнаган чуть ли не засыпал от бездействия и истощения. Несколько ночей с редким сном и работа выдавили из него последние силы. Глаза словно прибавили в весе пару тонн, а тело лишилось скелета. Хегли прилёг на стопку с гипсокартоном и на минутку уснул.

Но и во сне голова не могла выключиться. Парень вспомнил про Тень, который обещал самостоятельно найти его. Он думал о нём, как о бывалом диверсанте «Грозы», по здоровью лишившимся места в «Критерии», как о мощном самце с чистыми пустынными корнями и твёрдыми намерениями. И тем не менее Хегли сомневался в своём представлении. Альфа по виду был с Юго-Запада, Молния и сам Гром – с Юга, да и не были они внешне столь убедительны, хоть и являлись крепкими орешками в своём деле. Под стереотип Фланнагана подходил тот же Берсеркер – координатор «Грозы». Но Тень был тёмной фигурой, который за три года, что вёл своего единственного диверсанта по мрачному пути не показал своей морды.

В сон вторглась и Мишель – совсем ненадолго, но ярко. Она, улыбаясь, смотрела в глаза Хегли, без слов звала его за собой. И парень хотел пойти, шагнуть к ней, но ноги застыли, не слушались, словно завязли в бетоне.

Готто разбудил внука сразу по окончании перерыва. Работа продолжилась с прошлым стремлением сделать всё качественно и быстро.

Хегли считал минуты до конца дня. Ему не хотелось видаться ни с Тенью, ни с кем-либо ещё. Одно желание двигало им – выспаться, восполнить высушенный резервуар энергии. Но Фланнаган, привыкший к бессонным ночам, терпел, пытался устоять на ногах и работать.

И вот наконец стрелки часов дошли до пяти вечера. Вся бригада так же торопливо собрала вещи и распрощалась с очередным рабочим днём. Готто отправил всех по домам – кроме внука – и принялся оценивать дальнейшую работу. Он таскал парня за собой, частенько спрашивал его мнение и недовольно ворчал, когда оно не совпадало с его позицией. Но в целом старик был доволен работой Хегли, хотя и говорил об обратном, требуя большей практики, большего стремления, вложения в дело столько упорства, сколько можно выдавить из себя.

Сравнивая две деятельности Фланнагана, дед делал упор на оплачиваемость труда и необходимость. Мир мог прожить без диверсантов, но не без строителей. Парень согласился с этим только из нежелания спорить со зверем, не умеющим прислушиваться к чужим словам.

Нравоучительные монологи Готто продолжались до самого дома, пока Хегли не пошёл спать. Обессиленное тело упало на диван в гостевой комнате, сжалось у спинки и на время оставило грешный мир, полный суетами.

Вокруг него движение не останавливалось. Чинеду, вернувшаяся с работы, укрыла усталого сына пледом и принялась за ужин, а её отец, который, как только ступил во двор, скрылся за дверью мастерской.

Проснувшись под поздний вечер, Хегли с трудом поднял веки и колючими глазами оглядел комнату, в которой лежал. Его тело, казалось, не обрело силы на оставшийся вечер, всё ещё хотелось спать, но царство снов закрылось перед носом антилопы до следующего времени. Он встал с дивана, выгнул спину, которая до этого была согнута в рыболовный крюк, и, словно зомбированный, побрёл на кухню, откуда доносился довольный смех и редкие сторонние возгласы.

Сперва Фланнагану встретился дед, недовольно закручивавший в стену шуруп. Готто с неодобрением и небрежностью взглянул на внука, что-то промычал сам себе. Но Хегли не придал этому внимания, понимая, что старик недоволен присутствием гостя, с которым общалась его дочь.

Парень вышел к кухне и застыл в проходе, оглядев постороннего, незнакомого зверя. За столом рядом с Чинеду сидела волчица лет сорока – на вид чуть меньше – с густой серой шерстью, белевшей к груди и у подбородка. У неё были яркие синие глаза, которые ласково и удивлённо осматривали вошедшего импала. Фланнаган сразу же заметил спрятанные в белые перчатки ладони, да и в целом закрытую одежду; в жарком и пыльном климате зверям с длинной шерстью жилось туговато, но волчица тем не менее носила лёгкую осеннюю куртку на пуговицах на чёрной рубашке.

– Это Хегли? – спросила неизвестная у Чинеду. Голос волчицы был грубоватым, будто сломанным или прокуренным.

Она встала из-за стола и, подойдя к парню, провела рукой по его голове и морде.

– Как же он похож на Фрэда, – сказала волчица, повернувшись к подруге.

– Вот, познакомься, – мама решила прервать Хегли ещё до того момента, как он задаст желанный вопрос, – это моя подруга Валентина. Мы с ней давно знакомы, она видела тебя ещё совсем маленьким, так что не удивляйся, если не вспомнишь её.

– Очень приятно видеть тебя спустя столько лет, – волчица взяла ладонь импала и крепко сжала двумя своими. Она светилась от счастья, когда смотрела на Фланнагана, в её глазах пылал миллиард огней. – Уверена, мы найдём общий язык.

Хегли даже не успел сжать пальцы, чтобы показать взаимную радость знакомства, как Валентина отпустила парня и попросила присесть за стол, поговорить с ней хоть пару минут. И он не мог противиться.

На столе в центре внимания оказался небольшой фарфоровый чайник с заваркой, из горлышка которого медленно пар взымал вверх и растворялся в воздухе. Душистый аромат трав и сушёных фруктов добавлял атмосфере приятные, дружественные очертания. Но Фланнаган сначала принялся за еду, выставленную перед ним Чинеду.

– Дочка, ты не видела мой телефон? – донеслось с верхнего этажа.

– Я отойду на минутку, – сказала мама и торопливо вышла из кухни, оставив своего сына один на один со зверем, вызывавшим подозрение страстной потребностью в присутствии парня.

Валентина не отводила взгляда от чашки с чаем, помешивая в ней давно растворившийся сахар. Безмятежный вид и еле заметная улыбка нагревали парня, который и без нового знакомства чувствовал себя сжато в родном доме.

– Как тебе родная Пустыня? – спросила волчица, продолжая изучать напиток в чашке. – Гораздо лучше Центрального Союза, так ведь?

– Ну да. Это ведь моё Отечество.

– Иногда стоит давать себе передышку, чтобы зоб не перекрывала тошнота от наглых центральных морд. Видеть их – работа, сравнимая с вредным производством. Поэтому лучше побывать дома, увидеть родных, набраться терпения, – она взяла чашечку и преподнесла её ко рту, сделав небольшой глоток чая. – А потом опять на рейды.

Остановивший приём пищи Хегли из-под лба взглянул на волчицу и проглотил своё недоумение. Он замер, превратившись в бездушную фигуру из плоти, доминирующей эмоцией которой являлся страх. Валентина застала врасплох парня, который, будучи неуверенным в безопасности, перевернул вилку и крепко сжал в кулаке. Мысль о сидящем напротив него координаторе имела право на жизнь, но Фланнаган потерял её в пучине тревог и недобрых предрассудков.

– Хотя нет. Прости, совсем забыла, что тебя освободили от рейдов. Ты ведь отныне наш шпион, герой-любовник.

– Вы... Тень? – осторожно спросил Хегли.

– Да. А ты представлял меня как-то по-другому, Гром?

– Ну...

– Хриплый басистый голос, конечно, походил на мужской, брутальный, как у Берсеркера, например, но я совсем на него не похожа.

– Я ничего не понимаю, – импала схватился за голову, которую склонил над тарелкой с едой. Его дивные рога почти что доставали до Валентины, осматривающей их. – Что вообще происходит?

– Поверь, парень, всё гораздо сложнее, чем выглядит. Тем более, это ты хотел встретиться со мной, увидеть, утолить жажду в любопытстве. Я лишь выполнила то, что хотелось тебе.

Фланнаган оглядел волчицу – его настораживало нереальное спокойствие женщины. Она, как подумал парень, летала в облаках, заплывла от выброса крепкого адреналина, раскрывая карты. Нельзя было говорить о себе, как о личности, многие координаторы запрещали рассказывать об увлечениях и районах, в которых проживали их подчинённые, чтобы не навести случайного диверсанта на след коллеги. Строго запрещалось нападать на своих, отслеживать и даже пытаться узнать имя. А Валентина не дрогнула, когда Чинеду представила её сыну. Может волчицу зовут не так?

С верхнего этажа вышел Готто, заглянул на кухню, высунув голову, и торопливо сказал:

– Ты не видел мой телефон?

– Н-нет, – заикнувшись, ответил парень и поднял со стола вилку. – Ты не смотрел в мастерской?

– Я уже проверял там. Значит, забыл его на работе. А мне должен позвонить подрядчик. Хегли, давай я дам тебе денег, ты съездишь к стройке и заберёшь.

– Могу помочь. Я лучше ориентируюсь в городе и у меня есть машина.

Готто никогда не доверял Валентине. Волчица казалась ему проекцией «врага» – недругом она не являлась, но и близкий круг расположился слишком далеко от неё. Старику не нравилось её прошлое: былые поступки и нравы.

– Мне совсем несложно.

– У меня только один внук и я не хочу им рисковать, – грубо ответил дед, полностью войдя на кухню и скрестив руки у груди.

– Да ладно вам, господин Тэсфайе. Вы же знаете, что я безобидна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.